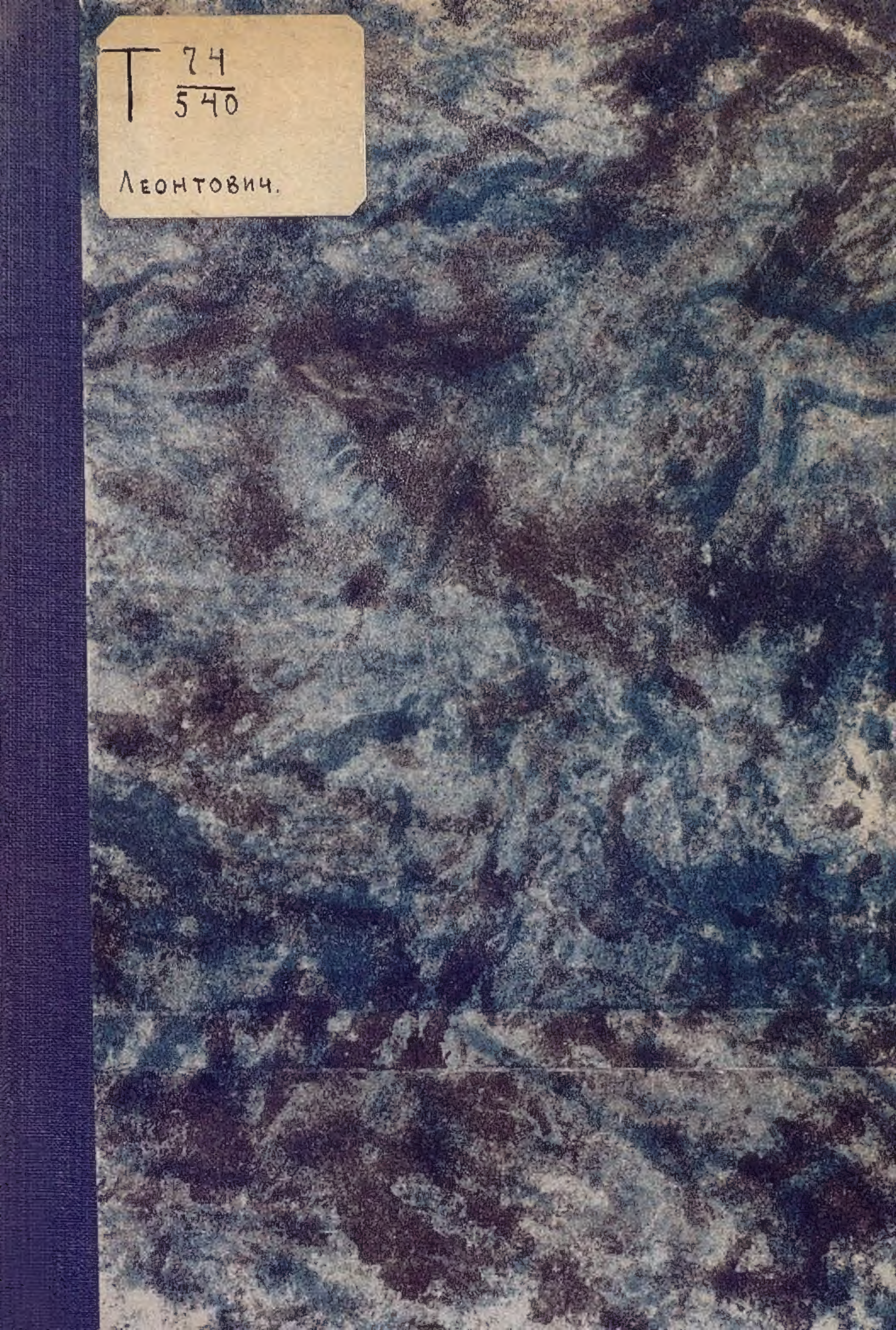

T 74/540
Леонтович.

ИСТОЧНИКИ

РУССКО-ЛИТОВСКАГО ПРАВА.

Общій обзоръ источниковъ. Договоры. Земскіе и областные привилеи.

Заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ѳ. И. Леонтовича.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Королевская улица, № 13.

1894.

ИСТОЧНИКИ

РУССКО-ЛИТОВСКАГО ПРАВА.

Общій обзоръ источниковъ. Договоры. Земскіе и областные привилеи.

Заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ѳ. И. Леонтовича.

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Королевская улица, № 13.

1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ „Варш. Университ. Извѣстій“. № I, 1894 г.

ИСТОЧНИКИ РУССКО-ЛИТОВСКАГО ПРАВА.

Литература.

Reflexye stanu szlacheckiego nad korrecturą prawa Wel. Księstwa Litewskiego (s. a.).

Prawa z Statutu W. X. Lit. i konstitucyi podług alfabetu zebrane (1783); перев. съ польскаго: Ручной словарь, или краткое содержаніе польскихъ и литовскихъ законовъ (1810).

Tad. Czacki, O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach, zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 r. wydanym (1800—1801); второе изданіе hr. Edw. Raczyńskiego—въ сборникѣ: Dzieła Tad. Czackiego (1843—1845); третье изданіе К. Туровскаго—1860.—Его-же—Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich (1809); перепеч. въ Dzieła T. Czackiego, III.—Его-же—O źródłach praw, które miały moc obowiązującą w Polsce i Litwie (Dziennik. Wilen. 1823; перепеч. въ Dzieła Czackiego, III); рус. переводъ: О происхожденіи законовъ, имѣвшихъ силу въ Польшѣ и Литвѣ (Вѣстн. Европы, 1824).— *I. hr. Potocki*, Postrzeżenia w dziele Tad. Czackiego o lit. i pol. prawach (Pamiętn. Warsz. 1815, II—III).—*A. Osiński*, O życiu i pismach Thad. Czackiego (1816). — *I. Lelewel*, Rozbiór prac historycznych Tad. Czackiego (1826; перепеч. въ сборн.—Polska, dzieje i rzeczy jej, 1865, XVII).

M. S. B. Linde, O Statucie Litewskiem, ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość (1816); рецензія въ Pamiętn. Warsz., 1817, № 6.

A. Sosnowski, Wiadomość o Statucie Lit., drugim powszechnie zwanym (1822); рец. въ Dziennik. Wileń. 1822, II, № 6.

L. Sobolewski, O Statucie Lit., wyd. na pol. języku 1614 r. (письмо къ Линде — въ Gazeta Literacka Warsz. 1822, № 25).

Статья неизвѣстнаго автора о томъ же въ Dzienn. Wileń. 1823, III.

I. Daniłowicz, Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Lit. (Dziennik Wileń. 1823, I—II, № 3—7); рус. перев. *В. Анастасевича* Библіографич. извѣстіе объ извѣстныхъ донынѣ экземплярахъ Лит. Статута (1823). — Его-же Historischer Blick auf die Lithauische Gesetzgebung. I. Der Lit. Statut (Dorpater Jahrücher, 1834, t. II, № 4—6; отдѣльно 1834); польск. переводъ: Historyczny rzut oka na prawodawstwo Litewskie (1837); рус. перев.: Взглядъ на литовское законодательство и Лит. Статуты (Юрид. Записки Рѣдкина, 1841). I. (*Даниловича*) О литовскомъ Статутѣ (Жур. Мин. Нар. Пр. 1838, Февр.).

Нѣчто о Литовскомъ Статутѣ (Сѣв. Архивъ, 1823, VII).

A. Mickiewicz, Jaki wpływ prawodawstwo rzymskie na prawodawstwo polskie i litewskie mieć mogło (Dzien Warsz. 1825; 1, № 4; отд. 1825).

Fr. Morże, O wpływie prawodawstwa rzymskiego na prawodawstwo polskie i litewskie (ibid. 1826, IV—V; отд. 1826).

J. Lelewel, Przypiski do dwu rozpraw A. Mickiewicza i Fr. Morże o wpływie prawodawstwa rzymskiego na prawod. polskie i litewskie (Polska wiek. średn.).

Poznański, Uwagi, odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego (1829).

W. Maciejowski, Historya prawodawstw Słowiańskich (1832—35; втор. изд. 1856—65).

J. Jaroszewicz, O Litewskim Statucie (Obraz Litwy, 1844, II).

П. Даневскій, Рѣчь объ источникахъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ Росс. Имперіи (Актъ въ Лицеѣ кн. Безбородко 23 іюня 1846; отд. 1846); переработ. изданіе: Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ нѣкот. губерніяхъ и областяхъ Россіи (1857; рец. *С. Шпилевскаго* въ Отеч. Зап. 1857, № 9).

Макаровъ и *А. Маркевичъ,* О сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи въ прошломъ вѣкѣ (Черниг. Губ. Вѣдом. 1852, № 13 и 20; извлеченіе *Горшковскаго* — въ Warsz. Bibl. 1858 и въ Основѣ 1862, Іюль).

Кукольникъ, Исторія управленія и законодательства Литвы (Памятн. книжка Вилен. Губ. 1853).

(*А. Семеновъ*), О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси (Времен. Моск. Общ. ист. и др. 1854, кн. 19; Современ. 1854, авг.; отд.—1854).

М. Михайловъ, Лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ (1860). Обзоръ исторіи литовскаго права (Акты Вилен. Археогр. Коммисіи, 1865, I, предисл.).

Ѳ. Леонтовичъ, Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ исторію русскаго права (Унив. Изв. Кіев. 1865, № 2—4).

Митроп. Іосифъ, Русскій подлинникъ Литов. Статута (Правосл. Обозр. 1865, № 5).

Чарнецкій, Исторія Литовскаго Статута, съ объясненіемъ особенностей трехъ его редакцій и предварительнымъ объясненіемъ законодательныхъ памятниковъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи до изданія Статута (Унив. Изв. Кіев. 1866, № 9; 1867, № 1, 5 — 10, — не окончено).

О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и измѣненіи недостатковъ, противныхъ госуд. благоустройству (Чт. Общ. ист. и др. 1866, I).

А. Боровиковскій, Объ особенностяхъ гражданскаго права Полтавской и Черниговской губерній (Жур. Мин. Юст. 1867, т. 32).

А. Квачевскій, Законы Черниговской и Полтавской губерній (Жур. гражд. и угол. права 1875, № 1). Его же Литовскій Статутъ, какъ источникъ мѣстныхъ правъ (ibid. 1876, № 4).

С. Пахманъ, О Литовскомъ Статутѣ (Исторія кодификаціи гражд. права, 1876, I—II).

М. Владимірскій-Будановъ, Отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ ц. Алекс. Мих. (Сборн. госуд. знаній, изд. В. Безобразовымъ, 1877, IV).

А. Кистяковскій, Историческія свѣдѣнія о сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ (Унив. Изв. Кіев. 187[illegible], № 11—12). Его же Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ (ibid. 187[illegible]—[illegible], отдѣльно—1879).

W. P. Górski, Dodatek do bibliografii Statutu Litewskiego (Przegląd bibl.-archeolog. 1881, II).

Wł. ks. Czetwertyński, Jeszcze jedno słowo o Statucie Lit. (ibid. II).

Баршевскій, Краткая исторія Литовскаго Статута (Унив. Изв. Кіев. 1882, № 6).

К. Бестужевъ-Рюминъ, Привилеи земскіе и областные (Русск. исторія, 1885, II).

С. Пташицкій, Описаніе книгъ и актовъ литовской метрики (1887).

Н. Тиличенко, Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода законовъ. (Кіевская Старина, 1888, Сент. и Окт.; отд. К. 1888).

М. Ясинскій, Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства (Унив. Изв. Кіев. 1889; отдѣльно 1889).

К. Снитко, О литовскомъ правѣ въ XVI в. (Акты Вилен. Археогр. Комм. 1890, т. XVII, предисл.).

С. Бершадскій, О Литовскомъ Статутѣ (О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, — Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, Ноябр., и отдѣльно — 1893); въ отдѣльномъ изданіи помѣщено извлеченіе изъ изслѣдованія *Даниловича*: Библіогр. описаніе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ экземпляровъ Лит. Статута. Его же Литовскій Статутъ и польскія конституціи (1893).

С. Пташицкій, Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Лит. Статута (1893). Его же Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго Статута (Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, Окт., и отдѣльно — 1893).

Рубинштейнъ, О Лит. Статутѣ (Вилен. Вѣстн. 1893, № 91—94).

Ѳ. Леонтовичъ, Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права (1893).

Общій обзоръ источниковъ. Договоры. Привилеи земскіе и областные.

Образованіе литовско-русскаго государства изъ двухъ народностей съ различной политической культурой неизбѣжно должно было вести къ подчиненію Литвы всестороннему культурному вліянію Руси, стоявшей на гораздо высшей ступени развитія сравнительно съ литовскими племенами и потому глубоко вліявшей на весь ихъ внутренній бытъ. Въ правящихъ сферахъ Литвы становятся господствующими русскій языкъ и русская письменность; туземные обычаи Литвы ассимилируются и смѣняются обычаями и уставами русскими. Право „литовское“, какъ что-то отдѣльное отъ русскаго права, упоминается только въ болѣе древнихъ памятникахъ, и то какъ бы случайно, мимоходомъ, безъ указанія на особыя различія между ними; подъ литовскимъ правомъ разумѣлось собственно одно и то же право русское, дѣйствовавшее въ собственныхъ литовскихъ областяхъ (См. А. З. Р. I, № 159, 165; II, 13, 61, 71 и др. Skarbiec, № 432). Литовскій Статутъ предписываетъ избирать замковыхъ судей и другихъ урядниковъ изъ лицъ, „в праве и писма *руского* умеетныхъ“ (Стат. 1588, разд. IV, арт. 37).

Это-то право, называвшееся „земскимъ“ или „посполитымъ“, имѣло главнымъ своимъ источникомъ одну и туже „правду“ или „право“, „стародавніе звычаи“ или „обычаи“, народную „старину, давность, пошлину“ и противополагается въ источникахъ „кривдѣ“, „новинѣ“ и пр. [1]). Обычное право было основнымъ

[1]) Буданова Христом. II, 20, 23; Ясинскаго Уст. грамоты, 113. Skarbiec, № 432, 542. Arch. Sangusz. I, № IV. А. З. Р. I, № 38, 39, 52 и пр.

источникомъ, какъ общихъ законовъ всего литовско-русскаго государства (ухвалъ, листовъ, Статута и пр.), такъ и уставовъ партикулярныхъ (областныхъ).

Старый народный обычай не терялъ своей силы и въ пору дѣйствія „писанныхъ правъ", изложенныхъ въ Литовскихъ Статутахъ. Статутъ старый (1529 г.) предписываетъ судьямъ и разнымъ урядникамъ вершить всѣ дѣла по изложеннымъ въ немъ „писаннымъ правамъ"; разъ не окажется въ нихъ по какому либо вопросу подходящихъ „артикуловъ", судьямъ предоставляется руководиться совѣстью и обычаемъ — „подъ сумненьемъ упомянувши Бога и то сказати водлугъ стародавного обычая" (р. VI, арт. 1 и 37), — за обычнымъ правомъ вполнѣ удерживается значеніе вспомогательнаго источника (ср. ibid. р. VI, ар. 4, 6).

Болѣе значительныя ограниченія дѣйствія обычнаго права появляются со втораго Статута (1566 г.); въ немъ принято за правило, чтобы никто изъ судей и урядниковъ не судилъ и не вершилъ ничего „съ головы и зъ умыслу своего", но лишь по одному Статуту (Р. IV, ар. 30; ср. р. I, ар. 1; р. III, ар. 14).

Субсидіарные источники права, въ томъ числѣ и обычное право, признаются третьимъ Статутомъ (1588 г.). Въ немъ предписывается судьямъ, при недостаткѣ статутовыхъ опредѣленій для разрѣшенія даннаго вопроса („а гдѣ бы чого въ томъ Статуте не доставало"), вершить дѣла, сообразуясь съ своей совѣстью (водле сумненья) и „ближшею справедливостью", а также принимая во вниманіе „иншія права хрестіаньскія" (р. IV, ар. 54), — каноническое, римское, польское и магдебургское (см. проф. С. А. Бершадскаго о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литов. праву, стр. 27—29).

При этомъ „звычай стародавній" разсматривается, какъ главный субсидіарный источникъ права (р. III, ар. 17; IX, 32; XIV, 9), дѣйствовавшій въ судебной практикѣ предпочтительно предъ аналогическими положеніями иностраннаго права (см. проф. Бершадскаго Литовскій Статутъ и польскія конституціи, 49, 55). По Статуту 1588 г. господарь обязывается „вси привилья земские стародавные, и ново отъ насъ даные вольности и *звычаи*

добрые стародавные ховати и ни въ чомъ того не нарушати" (раз. III, арт. 15).

Обычай, старина, пошлина являлись въ старой Литвѣ основной формой развитія права. О литовцахъ временъ Миндовга свидѣтельствуетъ папа Иннокентій IV: они жили по „законамъ природы", въ смыслѣ обычаевъ отцовъ и дѣдовъ: „gens hujusmodi olim solita lege naturae vivere" (Naruszewicz, Hist., V, p. 14). До изданія Статута въ Литвѣ вообще не существовало „право писаное" (рим. jus scriptum, въ противоположность обычаю, праву не писаному), подобно Русской Правдѣ, Литовскому или Вислицкому Статутамъ. Канцлеръ Гастольдъ, въ своемъ похвальномъ словѣ Сигизмунду I по поводу изданія Статута 1529 г., говоритъ о Ягеллѣ и Витовтѣ, что они дали Литвѣ вѣру, но не оставили права: „jura per quae nobis norma recte et catholice vivendi praescriberetur non dederunt" (Jaroszewicz, Obraz, I, p. 144). Подобнымъ же образомъ Сигизмундъ I въ своемъ привилеѣ (1522 г.) объ изданіи „писаныхъ правъ" (Zbiór pr. Lit., 122), свидѣтельствуетъ, что до него помимо обычаевъ не существовало въ Литвѣ писменныхъ законовъ, которыми судьи могли бы руководиться по всѣмъ дѣламъ: „in magno ducatu nostro Lithvaniae nullis legum statutis literis deformatis judicia fiebant alias justitia sola consvetudine et juxta uniuscujusque capitis prudentiam atque conscientiam ministrabatur, prout unicuique judicandi justius et rectius, vel etiam corruptius videbatur").

Памятники русско-литовскаго права появляются еще при первыхъ вел. князьяхъ литовскихъ, первоначально лишь въ формѣ договоровъ литовскихъ господарей съ сосѣдними народами, позже (съ XIV ст.) въ видѣ разнаго рода жалованныхъ грамотъ, листовъ и привилеевъ, дававшихся на „права и вольности" боярству, отдѣльнымъ землямъ и пр. Законы, касавшіеся внутренней жизни государства, начинаютъ издаваться не раньше XIV ст. Древнѣйшими законодательными памятниками Литвы, сохранившимися отъ этого столѣтія, нужно считать жалованную грамоту Ольгерда, данную въ 1327 г. боярину Тункелю (Skarbiec, № 352), и рядъ Ольгерда съ Кейстутомъ въ 1372 г. (ib. № 151). Соб-

ственно же съ конца XIV ст., т. е. съ первой уніи Литвы съ Польшей (при Владиславѣ-Ягеллѣ), начинаетъ развиваться „писанное право“ въ формѣ привилеевъ на разныя „вольности“, появляются первые опыты уставной регламентаціи разнообразныхъ отношеній публичной и частной жизни.

Въ уставной практикѣ Литвы долго удерживалось изстаринное русское названіе законодательныхъ актовъ *грамотами* (см. наприм., А. З. Р. I, № 22; А. Ю. З. Р. I, № 17; Arch. Sangusz. I, № IV, VIII; Sokołowski—Szujski, Codex. epist. s. XV, № 9 и пр. и *правдою*. Названіемъ „правды“ обозначаются нѣкоторые изъ древнѣйшихъ литовскихъ актовъ. Таковы, наприм., договоры Ольгерда и Кейстута (1345) или Ягеллы и Скиргайла съ Смоленскимъ княземъ Юрьемъ Святославичемъ (1386 г.); такова же грамота (1387 г.) Ягеллы Скиргайлу на Троки, Полоцкъ и другія волости (см. Skarbiec, № 376, 542; лѣтописецъ Даниловича, 28. Arch. Sangusz. I. № IV. Sokołowski—Szujski, Codex, № 9). Обычнымъ же названіемъ литовско-русскихъ актовъ было изстари *листъ* и *привилье*, или *привилей*. Первое названіе примѣнялось не только къ грамотамъ жалованнымъ или льготнымъ, но и къ такимъ уставамъ, какъ, напр., извѣстный Судебникъ, изданный Казиміромъ Ягеллономъ въ 1468 г. подъ общимъ наименованіемъ „листа“ (А. З. Р. I, № 67; Владимірскаго—Буданова Хрестомат. II, 34. Ср. А. З. Р. I, № 4, 6, 7, 36, 61, 129 и пр.; Arch. Sangusz. I, № IX). „Привилье“ или „привилей“, обозначалъ первоначально партикулярный законъ, издававшійся для отдѣльныхъ областей, городовъ, сословій и пр. Привильями назывались въ старое время не только акты уставной дѣятельности литовскихъ князей великихъ и удѣльныхъ, но и акты частныхъ сдѣлокъ: такова, наприм., одна изъ древнѣйшихъ купчихъ 1366 г. (См. Ак. Вил. Археогр. Комм., VIII, № 5). Въ нѣкоторыхъ актахъ названіе привилея замѣняется иногда „*жалованьемъ*“ (А. З. Р. I, № 36), „*приказаньемъ*“ (А. Ю. З. Р. I, № 34), „*маестатнымъ*“ привилеемъ или „*маестатомъ*“. Послѣдніе наименованіе примѣнено, наприм., къ земскому привилею Казиміра 1457 г. (А. З. Р. I, 61; см. также ibid. № 213). Привилей являлся основной формой развитія русско-литовскаго права до позднѣйшаго времени. Подъ

общимъ титуломъ привилеевъ являлись русско-литовскіе законы не только въ древнѣйшее время (до конца XV ст.), когда уставная функція исключительно принадлежала литовскимъ господарямъ, но и въ послѣдующую эпоху сеймовыхъ *ухвалъ, уставъ* и *конституцій*, — законовъ, издававшихся на общихъ („вальныхъ“) государственныхъ сеймахъ. Какъ въ старое время литовскіе господари въ своихъ привилеяхъ и листахъ санкціровали стародавніе „звычаи“ и „пошлины“, издавали также новые „уставы“ и „ухвалы“ или предоставляли „жалованья“, „вольности“ и „милости“ сословіямъ, областямъ, городамъ и отдѣльнымъ лицамъ, такъ и позже всякая „ухвала“, „устава“ и „конституція“ законодательныхъ сеймовъ непремѣнно облекались въ форму „господарскаго“ привилея и въ такомъ видѣ отъ имени господаря обнародывались во всеобщее свѣдѣніе (о привилеяхъ см. А. З. Р. I, № 9, 36, 103, 129, 144 и пр. Ср. Владимірскаго—Буданова Христ. II, 34; Ясинскаго Уст. зем. грамоты, 5—9). Литовскій Статутъ, которымъ завершилась кодификація русско-литовскаго права, представляетъ собой не больше, какъ лишь сводъ привилеевъ (по преимуществу шляхетскихъ) съ „стародавними“ русскими обычаями (см. наше изслѣд. — „Русская Правда и Литов. Стат.“, Унив. Извѣст. 1865, № 2, стр. 13).

По вѣрному замѣчанію изслѣдователей, уставная функція старыхъ литовскихъ господарей сводилась преимущественно лишь къ узаконенію господствующаго обычая. „Государственная власть всюду и всегда ссылается не на законъ, а на пошлину, старину, обычаи, какъ на источникъ права, освящаетъ ихъ своимъ авторитетомъ, облекаетъ часто въ форму закона и ревниво охраняетъ отъ всякихъ нововведеній“ (см. Ясинскаго Уст. зем. грамоты, стр. 4). Нормы, изложенныя въ записи о Смоленской посощинѣ (около 1453 г.), принадлежащей къ древнѣйшимъ актамъ уставной дѣятельности литовскихъ господарей, прямо названы стариной: „то старина за Витовта была, повѣдаютъ стары старцы и путники старыи“ (Владим. - Буданова Христом. II. 20). Подтверждая въ 1486 г. за Лучанами старинныя льготы по подводной повинности, Казиміръ Ягеллонъ говоритъ въ своемъ привилеѣ: „мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ“ (А. З.

P. I, № 90). Подобной-же оговоркой заключается привилей 1494 г. Александра Кіевлянамъ: „мы никому новины не велимъ уводити, а старины рухати" (ibid. № 120; ср. № 127 и пр). Ненарушимость старины еще рѣзче формулируется въ Кіевскомъ привилеѣ 1507 г.": мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ, хочемъ все потому имѣти, какъ будетъ было за в. кн. Витовта и за Жикгимонта" (Ясинскаго Уст. грам., 113). Та же забота объ охранѣ стараго обычая высказывается и въ Лит. Статутѣ, который разсматриваетъ господаря, какъ верховнаго хранителя и оберегателя не только существующихъ законовъ, но и старыхъ народныхъ „звычаевъ" (Ст. 1529, III, 6; Ст. 1566, III, 12; Ст. 1588, III, 15; Ср. также Ст. 1529, I, 22; IV, 4 и пр.).

Вообще говоря, древніе привилеи, листы и другіе памятники русско-литовскаго права нужно несомнѣнно относить къ актамъ кодифицированнаго обычнаго права, констатировавшагося на судѣ и нарядѣ господарскомъ путемъ вѣщанія („свѣдецтва") пошлинъ старожильцами (старыми людьми, старцами), добрыми людьми, судными мужами и боярами, участвовавшими въ старое время въ господарской радѣ и судѣ въ роли „вѣщателей" старыхъ пошлинъ и обычаевъ. Примѣромъ изданія уставовъ путемъ констатированія и записыванія пошлинъ въ листахъ и привилеяхъ можетъ служить упомянутая выше запись о Смоленской посощинѣ (ок. 1453 г.), составленная по „старинѣ", согласно показаніямъ „старыхъ старцовъ и путниковъ старыхъ". Большинство „уставъ" и „ухвалъ", изданныхъ до Статута, возникло именно изъ судебныхъ вироковъ господаря съ радою: вироки эти постановлялись на основаніи старыхъ обычаевъ, констатированныхъ на судѣ путемъ опроса лицъ, близко знавшихъ народную „старину", и затѣмъ, по особому постановленію господаря съ радой, признавались общей „ухвалой", вносившейся въ урядовыя книги (метрику) для руководства на будущее время въ судебной и административной практикѣ (см. напр., Skarbiec, № 2207, 2208, 2210, 2234; о констатированіи обычаевъ на судѣ см. ibid. № 2261 и пр.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ мѣстныхъ судахъ представлялись почему либо затрудненія констатировать обычаи во время судебнаго разбирательства даннаго дѣла, рѣшеніе по-

слѣдняго откладывалось до общаго или мѣстнаго „сойма" пановъ, которымъ и предлагалось каждый разъ особыми господарскими листами точно опредѣлить по данному спорному вопросу руководящія нормы „подле давности обычая и права", имѣвшихъ силу въ данной мѣстности (см. объ этомъ любопытныя указанія, наприм., въ вырокѣ 1527 г. по дѣлу князя Андрея Сангушковича съ земянами волынскими Ставецкими. А. Ю. З. Р. II, № 114; Arch. Sang III, № 334 и 336).—Тотъ же порядокъ констатированія понятнь путемъ судебной практики признается и въ старомъ Статутѣ. Статутъ предоставляетъ судьямъ руководиться старыми обычаями, разъ по данному вопросу не имѣется въ наличности руководящаго опредѣленія въ Статутѣ; при чемъ обычай, записанный на судѣ, долженъ быть судьями „объявленъ" на первомъ же вальномъ соймѣ для окончательнаго утвержденія его въ качествѣ общей сеймовой ухвалы (Ст. 1529, VI, 6, 37).

До конца XV ст. уставная функція всецѣло принадлежала литовскимъ господарямъ. Съ земскаго (шляхетскаго) привилея 1492 г. законодательная власть господаря ограничивается: по этому привилею господарь издаетъ законы вмѣстѣ съ радой, подъ непремѣннымъ условіемъ согласія на то пановъ радныхъ (Zbiór pr. lit., p. 62, § XX). По старому Статуту господарь издаетъ новые законы, привилеи и уставы, измѣняетъ и отмѣняетъ существующіе законы не иначе, какъ на литовскомъ общемъ (вальномъ) соймѣ (имѣвшемъ въ то время значеніе той же господарской рады, только въ полномъ составѣ ея членовъ) „съ ведомостью, порадою и призволеніемъ" пановъ—радъ (р. I, 25; III, 6). Съ сеймовой ухвалы 1565 г. (объ учрежденіи повѣтовыхъ сеймиковъ и посольской избы) законодательная власть въ литовскомъ государствѣ, какъ и въ Польшѣ, окончательно раздѣляется между господаремъ и избами (kołami) радной и посольской, въ своей совокупности и составлявшихъ „вальный" сеймъ — основной органъ законодательной власти (А. З. Р. II, № 38. Времен. Моск. Общ. Ист. и др., кн. 23, стр. 11—12). — По второму и третьему Статутамъ законы издаются на вальныхъ сеймахъ „съ ведомостью и порадою" пановъ — радъ и „съ призволеніемъ" — по второму Статуту всѣхъ „земель" государства, а по третьему всѣхъ „ста-

новъ сойму належачихъ“, т. е. короля и избъ радной и посольской (Стат. 1566, III, 12; Ст. 1588, III, 9, 15).

По изстаринному славянскому обычаю, всякія грамоты и уставы законодательные въ старое время обнародовались во всеобщее свѣдѣніе на „торгу“, въ церквахъ и пр. Сохранилась, напр., одна изъ грамотъ польскаго князя Лешка, 1221 г., обнародованная на торгу („qui de mandato meo libertatem *proclamavit in foro* de Sarnowe“—въ той общинѣ, часть которой была пожалована Сулеевскому монастырю: см. Rzyszczewski, Codex, I. p. 24). Затѣмъ, по примѣру Польши [1]), въ Литвѣ учреждается при господарской канцеляріи общій государственный архивъ, позже извѣстный подъ именемъ „литовской метрики“ (Acta Magni Ducatus Lithvaniae), первыя упоминанія о которой встрѣчаемъ въ источникахъ второй половины XIV ст. Сколько намъ извѣстно, древнѣйшимъ актомъ, внесеннымъ въ литовскую метрику считается договоръ Ольгерда съ нѣмцами 1367 г. (Skarbiec. № 437). Сохранились свѣдѣнія о записи въ туже метрику и позднѣйшихъ актовъ законодательныхъ и дипломатическихъ (ibid.; № 462, 469, 494, 502, 516 и пр.). Съ половины XV ст. уже вполнѣ установился въ Литвѣ обычай регистровки въ метрикѣ всякаго рода листовъ и ухвалъ, послѣ утвержденія ихъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, ухвала о „выводѣ шляхетства“, изданная господаремъ съ панами — радою на вальномъ Виленскомъ сеймѣ въ 1507 г., была записана „у книги“, по особому опредѣленію господаря съ радой (Skarbiec. № 2192). На такихъ же основаніяхъ вносились въ метрику ухвалы: о вѣнѣ 1519 г., лѣсничемъ урядѣ 1512 и пр. (ibid., 2207, 2234, 2261).

---

[1]) Въ Польшѣ уже съ XIII ст. главнѣйшіе государственные акты и законы стали вноситься въ королевскій, позже вообще коронный архивъ, или метрику, какая велась при господарской канцеляріи для внесенія въ „regesty“ и „inwentarzy“ метрики актовъ законодательныхъ и дипломатическихъ, а также важнѣйшихъ актовъ административной и судебной практики. Съ конца XIV ст. стали заводиться также мѣстные архивы (книги, метрики) въ отдѣльныхъ польскихъ областяхъ (См. Czacki, Dzieła, II, 149. 161. Ср. Skarbiec, № 72, 75, 81 и пр.).

„Для памяти“ вносились въ литовскую метрику, также каждый разъ по особому господарскому опредѣленію, кромѣ законодательныхъ актовъ, и важнѣйшіе судебные „выроки“ и „декреты“, постановлявшіеся господаремъ съ радой по частнымъ дѣламъ, разбиравшимся въ господарскомъ судѣ (ibid., № 2193, 2236, 2273 и пр.)[1].

Кромѣ литовской метрики, служившей главнымъ государственнымъ архивомъ — хранилищемъ актовъ законодательной и административно-судебной практики старой Литвы, учреждались позже, по примѣру Польши, также мѣстные архивы—книги врядовъ гродскихъ и земскихъ въ отдѣльныхъ русско-литовскихъ областяхъ. Сколько извѣстно, первое упоминаніе о существованіи мѣстныхъ архивовъ во всѣхъ областяхъ Литвы принадлежитъ Берестейскому сейму 1544 г., на которомъ было опредѣлено, чтобы воеводы и старосты судили на своихъ мѣстахъ и не вывозили изъ повѣтовъ актовыхъ книгъ (Jaroszewicz, Obraz Litwy. II, p. 137. 294). Ко времени изданія второго Статута такія книги уже обязательно велись во всѣхъ врядахъ гродскихъ и земскихъ. По ухвалѣ Берестейскаго сейма 1566 г., вошедшей затѣмъ во второй и третій Статуты, требуется, чтобы всякаго рода частныя записи и акты, для полной юридической ихъ силы, вносились въ книги земскія и гродскія (Ст. 1566, VII, 1, 2, 5; Ст. 1588, VII, 1—3). Въ тѣ-же книги, по третьему Статуту, должны вноситься и всякія новоустановленныя сеймовыя ухвалы. Обязанность внесенія послѣднихъ въ повѣтовые архивы первоначально лежала на земскихъ послахъ, отряжавшихся мѣстной шляхтой на вальные сеймы. По закрытіи послѣднихъ послы должны были брать изъ книгъ (метрики) господарской канцеляріи выписи состоявшихся на сеймахъ ухвалъ (за господарской печатью) и затѣмъ на повѣтовыхъ (реляційныхъ) сеймикахъ докладывать „ку слуханью“ мѣстной шляхтѣ, съ записью ухвалъ для „вѣдомости“ въ книги мѣстныхъ урядовъ земскихъ и гродскихъ (Ст. 1588, I, 9).

По изстаринному обычаю, всякій новый законодательный

---

[1]) О Литов. Метр. см. Пташицкаго „Описаніе книгъ и актовъ Лит. Метрики“ 1877.

актъ, издававшійся въ прежнее время господаремъ съ радой, а позже на вальныхъ сеймахъ, обнародовался („выдавался въ уживенью обывателей“) первоначально за подписью и печатью господаря, какъ верховнаго главы государства, и облекался въ форму господарскаго листа или привилея, универсала и т. п., обыкновенно составлявшихся на томъ же сеймѣ, на которомъ состоялся и самый законъ. Порядокъ изготовленія актовъ, подлежавшихъ обнародованію, опредѣленъ ближайшимъ образомъ на томъ же сеймѣ 1588 г., на которомъ состоялось утвержденіе третьяго Статута. По опредѣленію сейма, всѣ конституціи, составленныя съ его согласія, должны быть подписаны назначенными для этого сенаторами, а также лицами, которыя будутъ назначены для того изъ состава посольской избы (koła): затѣмъ, новые законы представляются и прочитываются въ присутствіи короля на общемъ сеймѣ, съ воспрошеніемъ о согласіи короля, пановъ рады и пословъ на приложеніе къ конституціямъ государственной печати, со сдачей конституцій (послѣ приложенія къ нимъ печати) въ господарскую канцелярію, для внесенія въ метрику и для дальнѣйшихъ распоряженій по обнародованію новыхъ законовъ (Vol. leg. II. p. 252, § 4). Изложенныя правила были дополнены на сеймѣ 1661 г. спеціальнымъ постановленіемъ объ обязательномъ печатаніи законовъ, подлежавшихъ всеобщему обнародованію. Послѣ переписи и законнаго утвержденія конституцій, послѣднія должны посольскимъ маршалкомъ сдаваться въ господарскую канцелярію хранителямъ печати (pieczętarz'амъ, или канцлерамъ) для внесенія ихъ въ метрику, затѣмъ для отпечатанія (не позже третьяго дня послѣ закрытія сейма) и, наконецъ, для разсылки печатныхъ экземпляровъ новыхъ законовъ (послѣ приложенія къ нимъ канцлерами печатей) на реляційные сеймики, а также по повѣтамъ въ гродскіе и земскіе вряды (Vol. leg. II. p. 330, § 22).

Новые законы и уставы считались по общему правилу вступившими въ полную силу и дѣйствіе со времени ихъ „фирманія“ законодательной властію (Ст. 1588. XIV, 37), а въ мѣстныхъ учрежденіяхъ — со времени ихъ обнародованія, т. е. „выслуханія“ на реляціонныхъ сеймикахъ и внесенія въ мѣстныя урядовыя

книги, позже вообще со времени полученія на мѣстѣ печатныхъ экземпляровъ сеймовыхъ конституцій. Разъ же для даннаго устава (напр., для Статутовъ) назначался спеціальный срокъ его дѣйствія, истеченіе такого срока считалось моментомъ, съ котораго начиналось обязательное примѣненіе устава по дѣламъ судебнымъ и административнымъ (см. А. З. Р. II. № 165 и пр.).

Древнему литовскому праву вовсе не было извѣстно позже возникшее начало дѣйствія законовъ во времени, въ силу котораго „законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія", т. е. не распространяется на дѣла, возникшія до изданія закона. Литовское право держалось въ старое время противоположнаго принципа — распространенія силы новаго закона на всѣ дѣла, безъ всякаго различія между дѣлами, возникшими до и послѣ изданія новаго закона. Въ листѣ Сигизмунда I (29 сент. 1529 г.) о времени, съ котораго всѣ обыватели литовскаго княжества должны судиться „новымъ правомъ и Статутомъ", говорится, что нѣкоторые паны просили господаря, чтобы дѣла, которыя начаты раньше изданія Статута о „земли, о копы и о иныи рѣчи", рѣшались „старымъ правомъ"; господарь, однако, не уважилъ этой просьбы и своимъ „вырокомъ" предписалъ, чтобы впредь, съ назначеннаго имъ срока (дня св. Михаила — 29 сентября по рим. календарю), „всѣ рѣчи, какъ о земли и копы, такъ и о иные рѣчи ничого не выймаючи, сужены были тыми новыми правы" (А. З. Р. II, № 165). И это совершенно понятно: новый законъ „не рушалъ старины" и не вводилъ „новины", съ которой бы приходилось имѣть дѣло судьямъ и обывателямъ. Мы видѣли, что старые законы Литвы узаконяли „старину", не шли въ разрѣзъ съ „стародавнимъ звычаемъ", могли, поэтому, примѣняться и ко всякому „прошлому" дѣлу, возникшему до ихъ изданія, какъ это и было принято при рѣшеніи вопроса о дѣйствіи во времени стараго Статута. Признаніе противоположнаго начала (законъ не распространяется на „прошлыя речи") сдѣлалось необходимымъ съ тѣхъ поръ, какъ путемъ законодательнымъ стали вводиться новыя правовыя нормы, не обоснованныя на старой „пошлинѣ". Такой моментъ въ исторіи русско-литовскаго права настаетъ, по видимому, со времени изданія втораго Статута, когда новый принципъ впервые примѣ-

пенъ былъ къ процессуальнымъ законамъ, по которымъ дѣла вершатся „обычаемъ суду и порядку судового“, существовавшимъ во время возникновенія самаго процесса[1]. При изданіи третьяго Статута, однако, возстановленъ былъ старый принципъ. Положенія новаго Статута „маютъ ся стегати (относиться) на речи пришлые отъ того часу, яко законъ фирмацыею нашою господарскою ку уживанью сесь Статутъ выданъ“. Обыватели княжества и чужеземцы, пребывающіе на его территоріи, должны быть судимы и управляемы „тыми *одными* правы“, которыя изложены въ вновь изданномъ Статутѣ и распространяются на всѣ дѣла, „уросшія“ до и послѣ Статута. Исключеніе сдѣлано лишь для дѣлъ о „давнихъ заставахъ“ (заставныхъ имѣніяхъ), возникшихъ „по выданью першихъ старыхъ Статутовъ“: дѣла этого рода могутъ быть рѣшаемы „водлугъ Статутовъ першихъ (Ст. 1588, I, арт. 1; VII, 13; XIV, 37); всѣ остальныя дѣла вершатся по новому Статуту, хотя-бы они возникли до его изданія.

Древнѣйшіе памятники литовско-русскаго права отличались строгимъ *партикулярнымъ* характеромъ. По своимъ особымъ обычаямъ, уставамъ и привилеямъ долго жили отдѣльныя области литовскаго государства, сословія, общины и т. д. Такимъ образомъ, въ русско-литовскомъ государствѣ, какъ и въ старыхъ восточно-русскихъ земляхъ, сепаратный, партикулярный законъ (гра-

---

[1]) Въ Бѣльскомъ привилеѣ 1564 г. объ утвержденіи второго Статута положено: „Што ся дотычетъ речей изъ розницы и долеглостей прошлыхъ... хто бы право которое свое водлугъ першаго обычая и бѣгу права посполитого Статуту уфалъ сеймовыхъ обвареваніе мѣлъ; тогды о то все ачъ колвекъ одинъ другого вже отъ часу замереного до суду киталтомъ теперъ новымъ постановенымъ и передъ судьи и иншіи врады судовые тымъ новымъ порядкомъ засажоный росправленый и постановленый пригегати мастъ; вѣдже таковые давные и *прышлые* речи розницы и долеглости всякаго стану маютъ быти сужоны и росправованы черезъ тыхъ же судей новыхъ новѣтовыхъ водлугъ старого Статуту и обычаю права, а тотъ новый Статутъ и артыкулы его не будутъ мочы моцою и владностью своею у жадного суда прошлыхъ рѣчей и справъ, а справедливости людские водлугъ першого Статуту и бѣгу права посполитого слушнѣ обварованыхъ и опатреныхъ касовати и казати“ (См. Врем. Моск. Общ. кн. 23, стр. 9).

мога, нетъ, привилеи представлялъ основную форму развитія права.

Дѣйствительно, до конца XIV ст. литовское государство слагалось изъ отдѣльныхъ земель — княжескихъ удѣловъ и волостей, жившихъ совершенно обособленно одна отъ другой и связанныхъ между собой лишь „послушаніемъ" („покорой") мѣстныхъ князей общему для всѣхъ „господарству" (jus ducale, маєстату) великихъ князей литовскихъ, вмѣстѣ съ общей же „господарской данью" и „ратной службой". Внутренніе распорядки такихъ земель—волостей опредѣлялись исключительно нарядомъ удѣльныхъ князей по мѣстнымъ „земскимъ обычаямъ и правамъ". Существовали совершенно обособленныя, самобытныя системы мѣстнаго права земель собственно литовскихъ — Виленской, Трокской, Жмудьской и пр. и земель русскихъ— Витебской, Полоцкой, Смоленской и т. д. Какъ и въ восточно-русскихъ земляхъ, въ Литвѣ первоначально не существовало общаго права всего государства.

„Земское" („посполитое") право Литвы образовалось лишь постепенно, именно со времени инкорпораціи удѣльныхъ княжествъ, присоединенія ихъ къ непосредственнымъ владѣніямъ великихъ князей литовскихъ. Главной основой „земскаго права" литовскаго государства нужно считать собственно мѣстное право центральныхъ областей Литвы Виленской и Трокской земель, составившихъ въ теченіе XIV ст. великокняжескій удѣлъ, „великое княжество литовское" въ собственномъ смыслѣ. Въ пору присоединенія къ нему владѣній литовскихъ удѣльныхъ князей воспроизводится въ литовскомъ государствѣ тоже самое явленіе, какое имѣло мѣсто и въ московскомъ государствѣ, въ пору инкорпораціи восточно-русскихъ княжествъ. Подобно тому, какъ въ послѣднихъ рядомъ съ мѣстнымъ правомъ постепенно прививается право центральнаго удѣла—собственно московскаго княжества, такъ и въ литовско-русскихъ княжествахъ, присоединявшихся къ великокняжескому удѣлу, мѣстное право послѣдняго получало значеніе общаго или „земскаго" права всего государства и дѣйствовало совмѣстно съ мѣстнымъ правомъ каждой земли въ отдѣльности.

Коллизія, возникавшая сама собою между правомъ общезем-

скимъ и мѣстнымъ (Полоцкимъ, Витебскимъ, Волынскимъ и т. д.), разрѣшалась путемъ пожалованія отдѣльнымъ областямъ особыхъ мѣстныхъ привилеевъ, съ точнымъ опредѣленіемъ въ нихъ разныхъ „вольностей“ (доброволенствъ, libertates) и обычаевъ, представлявшихъ собою обломки отъ старой системы самобытнаго мѣстнаго права удѣльной эпохи и заключавшихъ въ себѣ исключенія изъ общихъ нормъ „земскаго“ или „посполитаго“ права, дѣйствовавшаго на всей территоріи русско-литовскаго государства. Такія исключенія изъ общихъ нормъ въ особенности представляютъ привилеи на разнаго рода „libertates et jura“, дававшіеся съ конца XIV ст. литовско-русской шляхтѣ (земскіе привилеи), отдѣльнымъ городамъ (на магдебургское право), общинамъ, церковнымъ учрежденіямъ и т. д.

Съ XV ст. *общія нормы* „земскаго“ права констатируются въ формѣ господарскихъ листовъ, а затѣмъ сеймовыхъ ухвалъ, уставъ и цѣлыхъ кодексовъ (Статутовъ). Обѣ системы русско-литовскаго права, законы партикулярные и общіе, долго существовали рядомъ одна возлѣ другой; старый партикуляризмъ права лишь весьма медленно уступалъ мѣсто системѣ общихъ законовъ, развивавшихся послѣ Статута исключительно въ формѣ сеймовыхъ конституцій. Какъ будетъ сказано ниже, мѣстные законы литовско-русскихъ областей удерживали силу до паденія Речи Посполитой; нѣкоторые привилеи (наприм., Полоцкій) утверждались русскимъ правительствомъ въ концѣ прошлаго вѣка, послѣ присоединенія литовскихъ областей къ Россіи (См. 1-е Пол. Собр. Зак., № 16611).

Русско-литовское право, въ особенности въ до-статутовое время, отличалось *казуистичностью* правовыхъ нормъ, хотя далеко не въ такой степени, какъ древнее право восточно-русскихъ земель. Общія правовыя положенія усиливаются въ русско-литовскомъ правѣ въ особенности въ пору Статутовъ и позднѣйшихъ конституцій. Бо́льшую выработанность литовскаго права сравнительно съ московскимъ нужно приписывать, главнымъ образомъ, польскому и римскому праву, принадлежавшимъ къ числу источниковъ статутоваго права литовскаго государства.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ литовскомъ правѣ *отмѣтнія*

вліянія развиваются со второй половины XIV ст. и отражаются, главнымъ образомъ, въ политическомъ, административномъ и сословномъ строѣ государства, по началамъ польскаго права, усиливающимся въ особенности со времени объединенія Литвы съ Польшей въ одну Речь Посполитую.

Въ другихъ сферахъ правовыхъ отношеній русско-литовское право отличалось до позднѣйшаго времени замѣчательнымъ *консерватизмомъ*, оставалось вполнѣ вѣрнымъ стародавнимъ русскимъ обычаямъ, развивалось вообще въ духѣ коренныхъ положеній древне-русскаго права (Русской Правды). По замѣчанію проф. Н. Бѣляева, въ литовской Руси „старина была единственною опорою для охраненія національности, на ней только держалась нравственная самостоятельность и независимость народности; всякое нововведеніе тамъ грозило чужеземнымъ вліяніемъ. Все это сообщило законодательнымъ памятникамъ юго-западной Руси свой характеръ, отличающій ихъ строгою и какою-то несвободною покорностію Русской Правдѣ и вообще старымъ юридическимъ обычаямъ" (О наслѣдствѣ безъ завѣщанія. 117). Но, кромѣ такихъ чисто внѣшнихъ условій развитія русско-литовскаго права, были также бытовыя условія, въ силу которыхъ послѣднее сохраняло до послѣдняго времени многіе институты древне-русскаго права. Нужно имѣть въ виду, что „литовско-русское государство обнимало собою самую коренную и древнѣйшую Русь: Кіевскую, Сѣверскую, Волынскую, Полоцкую и Туровскую земли, т. е. территорію зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси (Русской Правды)" (Владим.-Буданова Помѣстья литов. государства, стр. 2). Въ Русской Правдѣ кодифицированы именно правовые обычаи юго-западной Руси, вошедшей затѣмъ цѣликомъ въ составъ великаго княжества литовскаго. Въ цѣломъ строѣ политическаго и правоваго быта литовской Руси были въ наличности (особенно до Люблинской уніи) всѣ условія для дальнѣйшаго развитія основныхъ началъ права именно въ направленіи, намѣченномъ впервые Русской Правдой.

Послѣ изложенныхъ замѣчаній объ общемъ характерѣ и направленіи литовскаго права перейдемъ къ обзору законодательныхъ памятниковъ Литвы. Прежде всего остановимся на догово-

рахъ Литвы съ сосѣдними землями, принадлежащихъ къ древнѣйшимъ памятникамъ русско-литовскаго права.

I. Древнѣйшіе *договоры* Литвы съ сосѣдними землями принадлежатъ времени Миндовга и касаются дипломатическихъ сношеній Литвы съ сосѣднимъ нѣмецкимъ орденомъ. Миндовгу принадлежитъ 9-ть договоровъ (1252—1257 г.) съ нѣмцами, —главнымъ образомъ, объ условіяхъ заключенія мира, уступкѣ волостей, разграниченіи владѣній и пр. [1]). Отъ второй половины тогоже XIII в. дошли договорныя грамоты, заключенныя съ Ригой князьями Полоцкими и Витебскими [2]). Гедимину принадлежитъ нѣсколько грамотъ (1323 и 1324 г.) разнымъ нѣмецкимъ городамъ и орденамъ, съ приглашеніемъ въ Литву колонистовъ [3]). Во второй половинѣ XIV ст. дипломатическія сношенія Литвы съ нѣмецкимъ орденомъ опредѣлялись трактатами, заключавшимися съ нимъ при Ольгердѣ и Кейстутѣ (1367 и др. годовъ) [4]). Особенно усиливаются трактаты и другіе акты дипломатическихъ сношеній Литвы съ нѣмцами при Ягеллѣ, Витовтѣ и послѣдующихъ литовскихъ господаряхъ вплоть до подчиненія польскимъ королямъ прусскихъ и ливонскихъ областей (въ концѣ XV и половинѣ XVI в.). Акты эти, сохранившіеся въ значительномъ количествѣ, содержатъ важныя документальныя данныя вообще по исторіи дипломатическихъ сношеній Литвы съ сосѣднимъ нѣмецкимъ орденомъ [5]).

Съ другой стороны, упорная борьба Литвы съ Польшей, завязавшаяся въ особенности со временъ Гедимина изъ-за стремленія польскихъ королей (съ Казиміра) къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ въ сосѣднихъ русско-литовскихъ областяхъ, вызвала рядъ трактатовъ по территоріальнымъ и другимъ вопросамъ, ка-

---

[1]) См. Skarbiec, №№ 126, 131, 134, 136, 154, 161, 181, 187, 196.

[2]) Грамоты, касающ. до сношеній сѣв.-зап. Россіи съ Ригой, № 11; Рус.-Лит. акты, № 24 и 25.

[3]) Skarbiec, №№ 298—302. Napierski, Index, № 300, 307. Raczyński, Codex, p. 39 и пр.

[4]) Skarbiec, № 437. Dogiel, Cod. IV, 56.

[5]) Skarb., № 464, 469 и т. д. Napierski, 434 и слѣд. Raczyński, 55, 120. Dogiel, IV, 78 и слѣд.

савшимся взаимныхъ отношеній между Литвой и Польшей (трактаты 1341, 1352, 1358, 1366 и другихъ годовъ [1]). Особенно же важное значеніе въ политическихъ судьбахъ Литвы имѣютъ договоры съ Польшей со временъ Ягеллы, принявшаго по акту 1385 г. [2]) польскую корону и положившаго первыя начала уніи Литвы съ Польшей. Договоры объ уніи 1401, 1413, 1499, 1501, 1510 и 1563 г. [3]), закончились, какъ извѣстно, рядомъ трактатовъ, заключенныхъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г., съ установленіемъ реальной уніи Литвы съ Польшей и полной инкорпораціи съ послѣдней южно-русскихъ земель (Кіевской, Брацлавской, Волынской и западной половины Подляхіи) [4]). Дополненіемъ къ актамъ польско-литовской уніи служатъ частные договоры, заключавшіеся (съ 1386 г.) различными литовскими князьями съ Владиславомъ-Ягеллой и послѣдующими польскими королями о „послушаніи“ и „службѣ“ (homagium, submissia и пр.) князей королямъ и Коронѣ Польской [5]).

Дипломатическія сношенія Литвы съ восточными сосѣдями князьями Московскими, Тверскими, Рязанскими, Псковскими и пр., опредѣлялись договорами литовскихъ господарей, особенно съ XV ст., когда усиливается политическое значеніе московскаго княжества и завязывается продолжительная борьба между нимъ и Литвой изъ-за пограничныхъ владѣній. Въ сохранившихся до нашего времени договорахъ литовскихъ князей (съ Витовта) съ восточно-русскими рѣчь идетъ объ обезпеченіи государственныхъ границъ, объ уступкѣ сосѣднихъ волостей, о гостьбѣ, порубежномъ судѣ и пр. [6]).

---

[1]) Skarbiec, № 361, 362, 366, 417, 432. А. З. Р. I, № 1. Rykaczewski, Inwentarium, 371. Arch. Sangusz. I, № 1.

[2]) Skarb., № 507. Naruszewicz, Hist., VII, p. 274.

[3]) Zbiór pr. Lit., 3, 7, 20, 72, 77. Vol. leg. I, 27, 129, 131; II, 29—32. Skarbiec, № 2109, 2112, 2137, 2138.

[4]) Vol. leg. II, p. 77—93.

[5]) Skarbiec, №№ 534—536, 545, 552—557, 575 и др. Arch. Sangusz. I, № 4, 9, 10, 14, 15 и др.

[6]) А. З. Р. I, № 33, 38, 39, 50, 51, 58, 73, 74, 79, 88 и пр. Skarbiec, № 2024, 2067 и пр. Dogiel, III, 152, 160. Муханова Сборникъ,

Сохранились также другіе дипломатическіе акты Литвы, не имѣющіе такого существеннаго значенія въ исторіи русско-литовскаго государства, какъ трактаты съ Польшей, нѣмецкимъ орденомъ или восточно-русскими князьями. Таковы трактаты и разные акты, касавшіеся сношеній Литвы съ Англіей (торговый договоръ Кейстута 1342 г., подтвержд. въ 1442 г.), молдавскими господарями (конца XIV и первой половины XV ст.), Венгерскими королями и Крымскими ханами [1])

Договорныя начала, опредѣлявшія, главнымъ образомъ, внѣшнія, международныя отношенія русско-литовскаго государства, не оставались также безъ значительнаго вліянія и на внутренній его бытъ.

Такимъ образомъ, въ удѣльную эпоху отношенія между литовскими господарями и князьями удѣльными опредѣлялись такими же точно *междукняжескими договорными*, какими регулировались отношенія и между восточно-русскими князьями въ теченіе всей земской эпохи [2]).

Договорныя начала опредѣляли также положеніе самихъ литовскихъ господарей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ шляхта стала пріобрѣтать господствующее положеніе въ государствѣ. Послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ и установленія избирательной формы преемства господарской власти, входитъ въ постоянный обычай „безкролевья" составленіе такъ называемыхъ. *pacta conventa*, съ изложеніемъ условій, соблюденіе которыхъ полагалось въ основу избранія каждаго новаго господаря. Въ Volumina legum акты этого рода начинаются съ Генриха (1573 г.) и Сигизмунда

№ 1, 7, 8, 10, 12 –15. См. въ особенности „Сборникъ Имп. Историч. Общ.", т. XXXV, гдѣ собранъ богатый матеріалъ касательно дипломатическихъ сношеній Литвы съ Москвой конца XV и начала XVI ст., въ пору борьбы изъ-за пограничныхъ владѣній (въ Сѣверщинѣ и Смоленской землѣ).

[1]) А. З. Р. I, № 6, 35. 40. 47, 200 и пр. Skarbiec, № 155, 307, 368, 631, 669. Napierski, Index, 269, 1739.

[2]) А. З. Р. I, № 41, 49, 63, 80 и пр. Муханова Сборникъ, № 4, 9. Skarbiec, 376, 451, 498, 517, 542, 570 и пр.

III (1587 г.)[1], хотя впрочемъ договорныя начала можно прослѣдить въ актахъ гораздо раньше. Ясные слѣды договорныхъ отношеній между литовскимъ господаремъ и шляхтой замѣтны, наприм., уже въ земскомъ привилеѣ Казиміра Ягеллона, 1457 г., — въ этомъ отношеніи изслѣдователи не безъ основанія усматриваютъ въ привилеѣ Казиміра первый опытъ договорныхъ актовъ, получившихъ позже общее названіе pacta conventa [2].

Перейдемъ теперь къ обзору важнѣйшихъ памятниковъ *партикулярныхъ* законовъ, составлявшихъ, какъ замѣчено раньше, основную форму раздѣльнаго древняго русско-литовскаго права. Сюда относятся привилеи земскіе, областные, городскіе, инородческіе и пр.

II. Среди перечисленныхъ партикулярныхъ законовъ Литвы, по своему значенію и вліянію на политическій бытъ литовскаго государства, первое мѣсто занимаютъ хартіи шляхетскія, извѣстныя подъ названіемъ *земскихъ привилеевъ* [3]. Они издаются вслѣдъ за первой уніей Литвы съ Польшей, гдѣ въ то время шляхта уже успѣла пріобрѣсти господствующее положеніе въ государствѣ.

Первая шляхетская хартія издана была въ 1387 г. Владиславомъ-Ягеллой, тотчасъ послѣ принятія польской короны, въ видахъ политико-религіозныхъ, чтобы „достигнуть скорѣйшаго сближенія государственнаго и бытоваго строя Литвы съ польскимъ и побудить литовскую аристократію къ принятію католицизма [4]). Привилей далъ литовцамъ „рыцарямъ-боярамъ" (armigeris s. bojaris), принявшимъ католичество, литовскимъ поддан-

---

[1]) Volum. leg. II, p. 133, 247 и пр.

[2]) Ясинскаго Уст. грамоты, 18—19. Владимірскаго-Буданова Христом. II, 23. Бестужева-Рюмина Ист. II, 64.

[3]) О зем. привилеяхъ см. О. Леонтовича Рус. Правда и Лит. Стат., — Унив. Изв. Кiев. 1861, № 2. Чарнецкаго Истор. Лит. Стат., Унив. Изв. 1867, № 1, 5 и сл. Бестужева-Рюмина Ист. II, 61. Ясинскаго Устав. грам., 16. Czacki. O lit. i pol. pr. I, 57. Jaroszewicz. Obraz Litwy, II, 46 и слѣд.

[4]) Ясинскій, 17.

нымъ вел. князя Ягеллы и Скиргайлы, владѣвшаго въ то время Трокскимъ удѣломъ въ Литвѣ. Шляхетскими вольностями, по первому привилею Ягеллы, пользовались только литовскіе бояре великокняжескаго удѣла, принадлежавшаго самому Ягеллѣ и обнимавшаго Виленское княжество съ тянувшими къ нему волостями, и удѣла Скиргайлы—Трокскаго княжества, перешедшаго къ нему по смерти Кейстута въ 1382 г. На боярство русскихъ земель литовскаго государства привилей 1387 г. пока не распространялся [1]). Дальнѣйшимъ его развитіемъ служитъ Городельскій привилей 1413 г. [2]), изданный отъ имени Владислава Ягеллы, какъ „Lithvaniae princeps supremus", и Витовта, великаго князя литовскаго („Magnus dux Lit."). И этотъ привилей данъ только литовской землѣ (terras Lithvaniae). Подтвержденіемъ шляхетскихъ правъ и вольностей первыхъ двухъ привилеевъ служитъ общій привилей короля Владислава III, данный Литвѣ на Петроковскомъ сеймѣ, въ 1438 г. [3]); въ немъ лишь подтверждаются прежнія привиллегіи и вольности, но нѣтъ никакихъ новыхъ статей.

Дальнѣйшее развитіе шляхетскихъ вольностей, вмѣстѣ съ распространеніемъ ихъ на весь составъ шляхты, не только литовской, но и руской, при томъ безъ прежнихъ вѣроисповѣдныхъ различій (кромѣ занятія уряловъ), принадлежитъ земскому привилею, изданному Казиміромъ Ягеллономъ въ 1457 г. [4]). Вмѣстѣ съ положеніями обоихъ привилеевъ Ягеллы, Казиміръ въ своемъ привилеѣ признаетъ за литовско-руской шляхтой рядъ новыхъ, весьма существенныхъ льготъ и преимуществъ, обособлявшихъ шляхту болѣе и болѣе отъ другихъ состояній.

---

[1]) Zbiór praw lit., 1—2. Литов. Стат., изд. Дзялынскимъ въ 1829 г. (приложеніе). Skarbiec, № 539 (польскій переводъ).

[2]) Zbiór pr. lit., 7. Vol. leg. I, 29. Hr. Platter. Zbiór pamiętn. I, 5. Niemcewicz, Zbiór pam. I, 340. Skarb., № 1025. Rzyszczewski, Kodex, I, 162. Du Montii, Corps univ. dipl. II, 361.

[3]) Zbiór pr. lit., 25. Vol. leg. I, 63. Skarbiec, № 1751.

[4]) Zbiór pr. lit., 28. А. З. Р. I, № 61. Skarbiec, № 1995. Rzyszczewski, I, 188. Владим.-Буданова Христом. II, 23.

Уравненіе политическихъ правомочій русско-литовскихъ магнатовъ съ польскими завершается привилеемъ, изданнымъ, по настоянію литовскихъ пановъ, великимъ княземъ Александромъ въ 1492 г. [1]). Этотъ привилей можетъ быть названъ въ полномъ значеніи „магнатской хартіей": привилей 1492 г. несомнѣнно послужилъ главною основою политическаго могущества русско-литовской поземельной аристократіи, участвовавшей съ этихъ поръ во всѣхъ функціяхъ верховной власти.

Послѣдніе два земскіе привилеи, изданные до Статута Сигизмундомъ I въ 1506 [2]) и 1522 [3]), состоятъ лишь въ подтвержденіи правъ и вольностей, признанныхъ за шляхтой предыдущими привилеями: господарь обязуется подъ присягой и своимъ княжескимъ словомъ (verbo nostro ducali) охранять и соблюдать всѣ шляхетскія привиллегіи.

Положенія земскихъ привилеевъ затѣмъ полностію входятъ въ Литовскій Статутъ. Этимъ, однако, нисколько не отмѣнялось старое значеніе шляхетскихъ хартій: по третьему Статуту (III, 15), господарь обязуется „вси привилья земские старо давные и ново отъ насъ даные....ховати и ни въ чомъ того не нарушати" (Ср. Ст. 1529, III, 6, 7; Ст. 1566, III, 12). Земскіе привилеи, на этомъ основаніи, удерживали силу и въ пору Статутовъ, вновь подтверждались особыми привилеями, напр., въ 1568 г. и пр. [4]).

Перейдемъ теперь къ обзору содержанія земскихъ привилеевъ. Замѣтимъ прежде всего, что, пріобрѣтая, на основаніи этихъ привилеевъ, широкія политическія и гражданскія правомочія, литовская шляхта, подобно польской, не теряла въ своей правоспособности ничего, что составляло бы исключительную привиллегію другихъ, не шляхетскихъ сословій. Шляхтичъ тор-

---

1) Zbiór pr. lit., 58. Skarbiec, № 2044. Hr. Platter. Zbiór pamiętn I, 17. Rzyszczewski, Kod. I, 194.

2) Zbiór pr. lit., 95. Platter, I, 35. Skarbiec, 2177. Rzyszczewski, I, 198.

3) Zbiór pr. lit., 124.

4) А. Ю. З. Р. II, № 146. Ср. ibid. I, 124, 153 и др.

гуетъ, отдаетъ деньги въростъ, можетъ заниматься ремесломъ, жить на селѣ въ качествѣ околичной шляхты и заниматься рольничествомъ, вообще можетъ вести такую же профессію, какъ и всякій свободный мѣщанинъ и сельскій обыватель (Бершадскій, Лит. евреи. 290). Профессіональныя различія начинаютъ сказываться на шляхетскихъ вольностяхъ лишь со втораго и третьяго Статутовъ, когда было положено, что шляхтичъ, поселившійся въ мѣстѣ и занимающійся торговлей или ремесломъ, „занехавши именья и обыстья своего шляхетскаго“, не можетъ пользоваться больше шляхетскими вольностями, хотя затѣмъ онъ долженъ снова считаться „за правую шляхту“, разъ уйдетъ изъ мѣста и оставитъ мѣщанскія занятія (Ст. 1566, III, 20; 1588, III, 20, 24, 25).

Первые земскіе привилеи (1387 и 1413 г.), положившіе основныя начала уравненія въ правахъ и вольностяхъ литовскаго боярства съ польской шляхтой, вызваны были не столько шляхетскими тенденціями самаго боярства, сколько миссіонерскими цѣлями католичества, какъ и вообще политическими видами польскихъ правящихъ сферъ. Цѣлью такихъ привилеевъ было подготовить постепенно почву для реальной уніи и, по возможности, полной инкорпораціи Литвы съ Польшей, путемъ образованія въ средѣ правящаго класса литовско-русскаго боярства особаго „стана“ католической шляхты, какъ послушнаго и ревностнаго проводника миссіонерскихъ и политическихъ тенденцій католической Речи Посполитой.

Земскій привилей 1387 г. предоставляетъ собственно литовскому рыцарству, боярамъ (armigeris sive bojaris), *принявшимъ католичество*, слѣдующія libertates et jura: право владѣнія (habendi, tenendi, possidendi) и распоряженія (vendendi, permutandi, dandi etc.) городами, волостями, селами, домами и всѣмъ, что досталось по наслѣдству (вотчинами), на одинаковомъ основаніи съ польской шляхтой; право боярскихъ дочерей и вдовъ свободно вступать въ бракъ, но только съ лицами католической вѣры; право вдовы владѣть имѣніемъ мужа до выхода въ новый бракъ (вдова беретъ тогда одно приданое, — имѣніе умершаго мужа переходитъ къ дѣтямъ, а если ихъ нѣтъ, то къ его родственникамъ, proximiores); свободу бояръ отъ господарскаго тягла

labores, кромѣ исправленія замковъ (городовая повинность) и военной службы (expeditiones, pogonia). Повинность постройки укрѣпленныхъ замковъ обязательна для шляхты, лишь когда къ тому призвано все государство. Expeditiones — первоначально земскія „врушенія" всего населенія государства ради защиты отъ внѣшнихъ враговъ; земская оборона въ особенности становится „рыцарскимъ" долгомъ шляхты „помѣстной", владѣвшей земскими „маетностями" — вотчинами и помѣстьями: обладаніе послѣдними изстари связывалось съ земской службой помѣстнаго боярства. Отсюда весьма важное условіе поземельныхъ правъ — распоряженіе (отчужденіе, дареніе и пр.) земскими имѣніями не иначе, какъ съ господарскаго согласія, что и выражено въ земскомъ привилеѣ 1413 г.). Ограниченіе это, впрочемъ, имѣетъ и болѣе общую почву, коренится въ общихъ условіяхъ возникновенія и укрѣпленія всякихъ вещныхъ правъ въ старое время: по древнему славянскому и русскому праву, всякій актъ, изъ котораго возникали для отдѣльныхъ лицъ тѣ или другія права, требовалъ каждый разъ, для полной санкціи и крѣпости послѣднихъ, признанія и утвержденія ихъ общественною властью. Отсюда древнее послушество, testimonium vicinorum (представительство общины), при всякихъ гражданскихъ сдѣлкахъ стараго времени; отсюда же и требованіе укрѣпленія поземельныхъ правъ общественной властію жалованными, льготными, данными и другими грамотами и актами старыхъ князей и вѣчъ (см. мое изслѣд. — „Старыя земскія обычаи", въ Труд. VI археол. съѣзда, 1889. IV, стр. 214, 218 и слѣд.). — По этому же привилею предоставляется въ каждомъ каштелянствѣ, повѣтѣ и землѣ (castellanii districtu et territorio) избирать судью (judex) для разбора дѣлъ и постановленія судебныхъ приговоровъ по обычаямъ земель, живущихъ по польскому праву, и justitiarius'a (по Даниловичу — коморника, или помощника судьи), соотвѣтствующаго старопольскому „oprawcie" по дѣламъ уголовнымъ (собственно инквизиторскимъ), prolocutor, procurator etc. (Ср. Wl. Abraham, O justycyarijuszach w Polsce w XIV i XV w., „Rozprawy i Sprawozd. z posied. Wydz. Umiejetn. Krak. 1887, XIX. Ср. Lelevel, Polska wiek. średn., III, 297. Bandtkie, Ius Polon., p. 189.

Kod. dypl. Wielkopol. II, № 820 и 1843. Theiner, Monum. Pol. I, № 220, 221. Helcel. Starod. pr. pol. Pomniki. VIII, № 4358). Привилей 1387 г. заключается статьей о лицахъ, принявшихъ католичество и послѣ отъ него отказавшихся: они теряютъ права, какими пользовались въ силу принятія католицизма.

Польскія тенденціи-миссіонерскія и политическія — еще рѣзче и ярче высказываются въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года. Шляхтѣ литовской „римскаго костелу" (не схизматикамъ и невѣрнымъ) предоставляются слѣдующія вольности: католическія церкви въ Литвѣ получаютъ тѣ же права, какъ и въ Польшѣ; литовская шляхта пользуется одинаковыми съ польской привиллегіями и вольностями. Въ частности литовскіе паны и шляхта владѣютъ вотчинами (paternalia) и данинами (выслугами, donationes) на одинаковыхъ правахъ съ польской шляхтой (pari jure, sicut barones regni Poloniae) съ правомъ отчужденія, при чемъ требуется каждый разъ согласіе (consensus) господаря, по обычаямъ королевства польскаго. Вотчины шляхетскія, по смерти владѣльцевъ, не будутъ отбираться, но переходятъ по наслѣдству къ дѣтямъ умершаго и другимъ наслѣдникамъ, на одинаковомъ основаніи съ польскими панами и шляхтой. Въ пользу жены дозволяются записи на имѣніяхъ (dotalicia, oprawa или вѣно-обезпеченіе приданаго). Дочерямъ, сестрамъ и родственницамъ шляхты предоставляется свобода вступленія въ бракъ, но только съ католиками. Литовская шляхта обязана, по старому обычаю, устроивать замки, отправляться въ ратные пути [1]) и давать пода-

---

[1]) Выраженіе: „vias expeditiones facere", переводится польскими авторами различно: „do robenia goscineów" (hr. Platter, Zbiór pamiętn. I, 9); „odprawianie podróż (Niemcewicz. Zbiór pam. I, 343); „wojny służić" (Даниловичъ, въ Zbiór pr. lit. Дзялынскаго, 13). Послѣднее толкованіе намъ кажется наиболѣе вѣрнымъ. По старому славянскому выраженію, „идти въ путь", или „дѣять путь", значило идти съ вооруженной силой въ путь (или походъ) противъ врага. Выраженіе это часто встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ (см., наприм., П. С. Л. I, 97, 103 и пр.). Такое же значеніе имѣло „поѣздство" (ib. II, 93). —Русскіе историки также различно понимають упомянутое выраженіе: „проведеніе военныхъ дорогъ" по Владимир-

ти (tributa). Всѣ и каждый обязаны сохранять вѣрность королю Владиславу и вел. князю Витовту съ ихъ потомствомъ и не поддерживать враговъ королевства польскаго, подъ угрозою конфискаціи имѣній. По усмотрѣнію короля, учреждаются въ Литвѣ такія же достоинства, мѣста и уряды (dignitates, sedes et officia), какъ и въ Польшѣ, т. е. въ Вильнѣ воевода (palatinus) и каштелянъ, а затѣмъ въ Трокахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ окажется господарю необходимымъ. Въ эти должности будутъ избираться только католики; точно также къ занятію другихъ земскихъ урядовъ и къ участію въ господарской радѣ по дѣламъ, касающимся общественнаго блага (pro bono publico), будутъ допускаться только католики, такъ какъ, прибавляетъ привилей, различіе въ вѣрѣ влечетъ часто за собой различіе въ мнѣніяхъ и разглашеніе рѣшеній рады, которыя должны держаться въ тайнѣ [1]. По смерти Витовта, литовскіе паны могутъ избирать вел. князя лишь изъ тѣхъ, кого изберетъ и предложитъ король польскій или его наслѣдники, по соглашенію съ прелатами и панами польскими и литовскими, какъ и по смерти Владислава поляки, при выборѣ короля, должны испрашивать согласіе вел. князя Витовта и его рады. Съ дозволенія короля, паны и шляхта польская и литовская могутъ учреждать „conventiones et parlamenta“ (seymy i stanowienia rzeczy или obrady) въ Люблинѣ, Парчовѣ или другихъ мѣстахъ, для выгоды и пользы (pro commodo et utilitate) королевства польскаго и земель литовскихъ. Очевидно, въ послѣдней статьѣ рѣчь идетъ не о спеціальныхъ литовскихъ сеймахъ, но лишь о сеймовыхъ съѣздахъ пановъ польскихъ и литовскихъ, по вопросамъ, касавшимся общихъ интересовъ обоихъ госу-

---

скому-Буданову (Жур. Мин. Нар. Пр. 1868. т. 139, стр. 522); „прокладывать дорогу“ (Бестужевъ-Рюминъ, Ист. II, 65) и пр.

[1]) Въ переводѣ второй половины XI-й статьи привилея (Zbiór pr. lit., p. 15) мы слѣдуемъ толкованію Даниловича (Skarbiec, № 1025). Переводъ въ Zbiór pr. lit. невѣрно передаетъ буквальный смыслъ настоящей статьи. Уряды оставались достояніемъ католиковъ до конституціи 1563 г. (См. А. З. Р. III, № 32. А. Ю. З. Р. III, 158. Времен. Общ. ист. и др. 23, II, стр. 2—3.

дарствъ, —что̀ объясняется въ этомъ именно смыслѣ установившейся съ 1386 г. и санкціонированной по акту 1401 г. (см. Zbiór praw lit., 3—7) уніей Литвы съ Польшей, подтвержденной также настоящимъ привилеемъ. Въ заключеніе заявляется отъ имени Витовта, что, съ согласія короля Владислава, Витовтъ избираетъ и присоединяетъ къ польскимъ шляхетскимъ гербамъ (ad arma et clenodia) литовскіе шляхетскіе роды, которыхъ со всѣми происходящими отъ нихъ поколѣніями (cum omnibus qui ex eorum stirpe orginem suam ducunt) шляхта польская принимаетъ „ad fraternitatis et consangwineitatis consortia“. Въ привилеѣ, затѣмъ, перечислены 47 польскихъ шляхетскихъ гербовъ, къ которымъ поименно присоединены отдѣльные роды исключительно литовскихъ пановъ [1]). Этими гербами литовская шляхта, паны и бояре будутъ впредь пользоваться вѣчно, наравнѣ съ шляхтой польской.

Инымъ характеромъ и направленіемъ отличается привилей 1457 г. шляхтѣ литовской, жмудьской и русской на права, вольности и „вызволенія“. Привилей этотъ имѣетъ въ виду интересы не польско-католической партіи литовскихъ пановъ, но всей шляхты въ государствѣ, безъ различія между православными и католиками. Вмѣстѣ съ подтвержденіемъ положеній объ общихъ гражданскихъ правахъ, признанныхъ за шляхтой въ 1387 и 1413 г. (о вотчинахъ, „вдовьемъ стольцѣ“, вѣнѣ и свободѣ браковъ), настоящій привилей предоставляетъ шляхтѣ новыя права и вольности: право отъѣзда („вольность выходити“) изъ Литвы въ другія страны, кромѣ непріятельскихъ; права по суду: не наказывать по одному „обмовленію“, но по суду („очи въ очи“), по „великости проступковъ“, —не подвергать суду невиннаго за чужую вину (жены за мужа, отца за сына и обратно, слугу за господина), кромѣ „проступковъ противъ господарства“ (преступленій госу-

---

[1]) Въ привилеѣ перечислены только главные роды литовскихъ пановъ; изъ прибавленія къ перечню гербовъ выраженія „etc.“, видно, что сопричисленіе къ польскимъ гербамъ было предоставлено также родамъ другихъ литовскихъ бояръ, принявшихъ католичество и не упомянутыхъ точно въ привилеѣ 1413 г.

дарственныхъ — „ображенія маестату“, crimen laesae majestatis; о крестьянскихъ выходахъ — в. князь обязывается не принимать изъ шляхетскихъ имѣній бѣглыхъ людей „непохожихъ, данныхъ и невольныхъ“, какъ и шляхта обязывается не принимать бѣглыхъ вел. княжескихъ подданныхъ; освобожденіе владѣльческихъ подданныхъ отъ всякихъ господарскихъ повинностей и податей: данія, заплаты, собранья, серебщизны, дякла, воженія камня, протесовъ, бревенъ и пр., сѣнокошенія и другихъ работъ, „мало справедливыхъ“, кромѣ старыхъ и обычныхъ повинностей, стоявшихъ въ связи съ земской обороной, — постройки городовъ, заборовъ, стацій (подводъ, доставлявшихся князю на мѣстѣ, при проѣздѣ его по землямъ), постройки и исправленія мостовъ; наконецъ, подчиненіе владѣльческихъ подданныхъ юрисдикціи пановъ. Въ заключеніе дается обѣщаніе не давать чужеземцамъ (alienigenis) въ держаніе земель, городовъ, мѣстечекъ, также не допускать ихъ ни къ какимъ урядамъ (officia), [illegible], достойностямъ, владѣніямъ, державамъ и почестямъ („чти“); всѣ эти державы, достоинства и уряды доступны только для туземцевъ (тубыльцевъ).

Упроченіе политическаго всемогущества магнатовъ Литвы завершается привилеемъ 1492 г. Въ него вошелъ цѣликомъ предыдущій привилей; во второй части этой, по истинѣ, магнатской хартіи рѣчь идетъ о политическихъ прерогативахъ, переходящихъ отъ королевской власти къ панамъ-радѣ. Съ этого-то привилея начинается „верховенство“ литовско-русскаго магнатства, съ весьма существеннымъ ограниченіемъ власти господарской. Со времени изданія привилея 1492 г. „рада“, состоявшая изъ литовскихъ магнатовъ, занимаетъ первенствующее положеніе во всѣхъ функціяхъ государственной власти, — паны радные являются господствующимъ „станомъ“ въ государствѣ. Цѣлью привилея было опредѣлить права магнатовъ, пановъ радныхъ, по дипломатическимъ дѣламъ, законодательству, администраціи, суду и финансамъ (кромѣ правъ, раньше усвоенныхъ магнатамъ), — осуществить стремленіе магнатовъ литовскихъ занять въ государствѣ такое же преобладающее положеніе, какое еще раньше успѣли занять магнаты въ польскомъ краѣ, и этимъ обратить литовское княжество въ аристократическую республику, великаго

князя — въ простаго председателя рады, исполнительнаго органа ея рѣшеній. И это стремленіе вполнѣ осуществлено въ цѣломъ рядѣ статей привилея 1492 г. Такимъ образомъ, безъ согласія пановъ—радъ вел. князь не можетъ ни назначать пословъ и вообще имѣть сношенія съ иностранными государствами, — ни издавать, ни измѣнять законовъ, установляемыхъ всегда съ согласія рады; за мнѣнія (по государственнымъ дѣламъ), не угодныя для вел. князя, не взыскивать съ радцевъ. Сеймовымъ „ухваламъ" дается значеніе земскихъ законовъ, постановляемыхъ на общихъ (вальныхъ) сеймахъ, слагавшихся изъ всѣхъ пановъ радныхъ. Опредѣленіе на должности и державства вообще, какъ и всякія пожалованія, дозволяются только съ согласія рады; смѣщеніе съ должностей допускается только по суду; должности даются по заслугамъ и безвозмездно (развѣ кто самъ захочетъ что либо подарить вел. князю или воеводѣ и старостѣ). Державства и войтовства раздаются по представленіямъ воеводъ (кромѣ должностей въ пограничныхъ земляхъ и городахъ). Иностранцы не допускаются ни къ какимъ должностямъ, державьямъ и дѣдичьствамъ. Простолюдиновъ не должно возвышать надъ шляхтою. Суды свѣтскіе, замѣщаемые шляхтою, не зависятъ отъ духовныхъ и наоборотъ. По всякимъ судебнымъ дѣламъ шляхтѣ долженъ даваться немедленный и безплатный судъ; по важнѣйшимъ дѣламъ (о „добрахъ дѣдичнихъ" и личной чести) шляхта судится княземъ съ радой и притомъ прежде другихъ лицъ въ положенные (четыре) сроки, въ послѣдній срокъ должны быть окончены всѣ дѣла. Сторона, не явившаяся на 4-й, заветный срокъ (finali termino), терястъ дѣло (кромѣ законныхъ причинъ неявки — службы господарской или земской и пр.). Подати и другіе доходы княжества литовскаго будутъ собираться, храниться „казною" (въ скарбѣ) и расходоваться на нужды края не иначе, какъ съ согласія рады, —самъ князь вообще не можетъ распоряжаться никакими государственными доходами и расходами. Взиманіе податей должно производиться подъ контролемъ радныхъ пановъ; для сбора податей и недоимокъ (tributis et reliquiis in volgari niedogimkow vel niedobierkow) посылаются ежегодно два радца. Наконецъ, съ цѣлью удержанія шляхетскихъ домовъ отъ упадка, запрещено

кому бы то ни было, кромѣ родныхъ (consanguineis et propinquis), даже самому господарю пріобрѣтать (выкупать) отчины (bona haereditaria), а также отдавать ихъ дочерямъ и другимъ родственницамъ, выходящимъ замужъ за границу Литвы, — имъ позволено брать съ собою одно приданое (expeditio или внесенье) и вѣно(вдовье —dos).

Въ заключеніе нашего очерка земскихъ привилеевъ остановимся на вопросѣ о томъ, насколько ихъ положенія перешли въ жизнь, въ особенности касательно прерогативъ, пріобрѣтенныхъ панами радными по привилею 1492 г., съ весьма существеннымъ ограниченіемъ господарскихъ правъ по законодательству и администраціи. Вопросъ этотъ, самъ собою, возбуждается въ виду указаній источниковъ первой половины XVI стол. на то, что литов. господари, по видимому, вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго участія рады, отдаютъ таможенные откупа, раздаютъ земли, принимаютъ отъ мытниковъ отчеты и т. д. (см. Бершадскаго Лит. евреи, 274).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что не только въ XV ст., но и въ послѣдующее время, когда уже вполнѣ опредѣлились политическія прерогативы рады и сейма, въ современныхъ законодательныхъ актахъ постоянно встрѣчается однообразная формула: господарь „уставуетъ, шлюбуетъ, обѣцуетъ, приказуетъ“ и т. п. Изданіе перваго и второго Статутовъ приписывается господарю: изложенныя въ нихъ „права“ дано есть милостью королемъ умысломъ добрымъ изъ ласки господарское“. Во всѣхъ трехъ Статутахъ чуть не каждая статья начинается обычной формулой: „мы господарь уставуемъ“, „приказуемъ“ и т. д.

Дѣло въ томъ, что именемъ господаря, какъ представителя верховной власти, прикрывались всѣ законодательные и административные акты. Они обнародовались отъ имени господаря въ господарскихъ листахъ, при чемъ вовсе не требовалось всегда и вездѣ обозначать въ актахъ, что содержащіяся въ нихъ распоряженія состоялись при участіи и съ согласія рады или сейма: все это разумѣлось само собой. Не считалось также необходимымъ, чтобы каждый актъ непремѣнно закрѣплялся подписью радцевъ. Требованіе подписи членовъ сейма становится обязатель-

нымъ лишь съ 1588 г. Судебникъ 1468 г. составленъ путемъ соглашенія князя съ радою и всѣмъ „посполитствомъ", обнародованъ же безъ подписи радцевъ. Есть также много актовъ первой половины XVI стол., издававшихся по разнымъ административнымъ и законодательнымъ вопросамъ безъ всякихъ указаній на участіе радцевъ и безъ ихъ подписей. Но отсюда еще нельзя заключать, что всѣ эти акты изданы князьями самостоятельно, въ противность земскимъ привилеямъ (въ особ. 1492 г.), а затѣмъ Статутамъ, ограничившимъ уставную и административную дѣятельность князя участіемъ и мнѣніемъ рады или сейма, — нельзя никоимъ образомъ утверждать, что ограниченія княжеской власти, установленныя привилеями конца XV и начала XVI в., не перешли въ жизнь.

Выводъ здѣсь возможенъ одинъ: разъ законъ или распоряженіе подлежали обнародованію и исполненію, они всегда должны были облекаться въ форму господарскаго листа, кто бы ни былъ ихъ творецъ, самъ ли господарь, или же рада и сеймъ. Въ господарскихъ листахъ только констатируется *обязательность* данныхъ распоряженій, безъ обязательныхъ однако указаній на ихъ происхожденіе, изданы ли они съ участіемъ, или безъ участія совѣтниковъ княжескихъ. Князья „отдавали" откупа, „раздавали" земли на такомъ же точно основаніи, какъ и „уставляли" отъ своего имени законы, изложенные въ Лит. Статутахъ. Раздача земель и откуповъ, какъ и „ухвала" уставовъ и законовъ, приписывались въ Статутахъ и господарскихъ листахъ великимъ князьямъ, какъ представителямъ „маестата", „господарства", верховной власти; они только санкціонировали авторитетомъ верховной власти обязательность для народа законовъ и распоряженій, облекавшихся въ обычную форму господарскихъ листовъ. Господарскіе листы, сами по себѣ, не даютъ права утверждать, что данныя распоряженія, разъ въ листахъ нѣтъ указаній на раду или сеймъ, принадлежатъ непремѣнно самостоятельной дѣятельности князей. Магнаты, ревниво оберегавшіе свои привилегіи, свое jus ducale, едва-ли бы оставляли безъ вниманія нарушеніе ихъ со стороны вел. князей. Разъ князья дѣйствовали самостоятельно, не подчиняясь ограниченіямъ земскихъ привилеевъ, магнаты выразили бы

протестъ, боролись бы съ произволомъ князей, — чего на дѣлѣ однако не было. Были, конечно, случаи борьбы, но по большей части изъ-за неудовлетворенныхъ притязаній магнатовъ, а не господарей. Земскіе привилеи не на то давались шляхтѣ, чтобы она тотчасъ забывала ихъ: отъ забвенія ихъ спасала коренная польская тенденція, лежавшая въ ихъ основѣ, — тенденція полонизаціи, уравненія литовскаго боярства съ шляхтой польской. Не даромъ магнаты такъ заботились во все послѣдующее время о подтвержденіи земскихъ привилеевъ (въ 1506, 1522 и др. год.): у нихъ было о чемъ заботиться, было что сохранять.

III. Одновременно съ общими шляхетскими хартіями издавались цѣлые привилья (привилеи), дававшіяся населенію отдѣльныхъ областей литовскаго государства. Памятники эти извѣстны подъ общимъ именемъ *областныхъ привилеевъ*.

Происхожденіе ихъ стоитъ въ связи съ первоначальнымъ политическимъ строемъ великаго княжества литовскаго. Какъ замѣчено выше, въ удѣльную эпоху каждая литовско-русская область имѣла значеніе самостоятельнаго княжества, жившаго по своему мѣстному праву — волынскому, кіевскому, жмудскому и т. д. Съ присоединеніемъ удѣльныхъ княжествъ къ непосредственнымъ великокняжескимъ владѣніямъ — къ „великому княжеству литовскому“ въ тѣсномъ смыслѣ, мѣстное право послѣдняго постепенно пріобрѣтаетъ значеніе „земскаго“ или „посполитаго“ права, одинаково дѣйствовавшаго во всѣхъ областяхъ государства рядомъ и совмѣстно съ мѣстнымъ „правомъ“ и „обычаями“ областей. Такимъ образомъ, въ памятникахъ, наприм., Волынской земли съ послѣдней четверти XV ст. нерѣдко встрѣчаемъ указанія на мѣстное „право волынское“ и на дѣйствовавшіе рядомъ съ нимъ „обычаи права земскаго“ или „посполитаго“, подъ которыми разумѣлись именно нормы съ общегосударственнымъ характеромъ, кодифицированныя позже въ „писанномъ правѣ“ Статутовъ[1]. Точно также въ бывшемъ Пинскомъ княжествѣ еще въ

---

[1] Arch. Sangusz. III, № 272. О правѣ земскомъ или „посполитомъ“ вел. княжества литовскаго см. ibid. I, № 76; III, 334, 336; IV, № 92, 97, 139. А. З. Р. III, № 11. Времен. кн. 23, стр. 9 пр.

эпоху Статута дѣйствовали совмѣстно „обычаи давніе“ повѣта Пинскаго и „право и звычаи“ великаго княжества литовскаго [1].

Въ источникахъ не находимъ никакихъ указаній на существованіе мѣстныхъ уставовъ въ отдѣльныхъ областяхъ въ пору удѣльной ихъ самостоятельности. Такіе уставы появляются лишь съ тѣхъ поръ, какъ бывшія автономныя княжества входятъ въ общій составъ великокняжескихъ волостей и подчиняются на одинаковомъ основаніи съ послѣдними общему „земскому“ праву вел. княжества литовскаго. Коллизія, неизбѣжно возникающая съ тѣхъ поръ между общеземскимъ и мѣстнымъ правомъ, вызываетъ необходимость гарантировать населеніе отъ „новинъ“, вводившихся правителями областей въ ущербъ мѣстнымъ правамъ и вольностямъ, „старинѣ“, „стародавнимъ обычаямъ“ областей. Гарантіи такія и излагались въ областныхъ привилеяхъ, заключавшихъ въ себѣ изъятія изъ общихъ нормъ земскаго права, въ видѣ особыхъ пожалованій, льготъ и привиллегій („доброволенствъ“), за заслуги и вѣрную службу населенія областей литовскимъ господарямъ и всему государству.

Но не этимъ собственно опредѣляется основный типъ областныхъ привилеевъ. Всматриваясь ближе въ общій характеръ и составъ „доброволенствъ“ и „вольныхъ правъ хрестіянскихъ“, составляющихъ главное содержаніе областныхъ привилеевъ, не трудно усмотрѣть, что въ нихъ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о такихъ же точно сословныхъ (именно шляхетскихъ) „libertates et jura“, какъ и въ общихъ земскихъ привилеяхъ шляхты всего государства. Собственно мѣстные обычаи всего населенія областей стоятъ въ областныхъ уставахъ на второмъ планѣ и во всякомъ случаѣ не эти обычаи опредѣляютъ основной ихъ характеръ.

И дѣйствительно, въ составѣ областнаго населенія, которому даются уставы, на первомъ планѣ вездѣ, во всѣхъ привилеяхъ, стоитъ мѣстное боярство, паны, шляхта, а иногда уставы (какъ, наприм., Жмудьскій, Кіевскій и Волынскій) даются именно

[1]) Ревизія пущъ въ вел. княж. лит., стр. 82.

[illegible] слѣдоват., имѣютъ уже прямое значеніе шляхетскихъ [illegible], представляютъ собой не болѣе, какъ мѣст[illegible] тѣхъ же общихъ шляхетскихъ привилеевъ примѣнительно къ [illegible] особенностямъ быта отдѣльныхъ литовско-русскихъ областей.

Въ виду сказаннаго мы не считаемъ возможнымъ согласиться съ [illegible] старой Литвы, [illegible], которые [illegible] формальной стороны [illegible] привилегіи, или частныхъ [illegible], по своему же содержанію [illegible] являются [illegible] законами, [illegible] въ себѣ [illegible] не исключены [illegible], ограниченнымъ предѣлами опредѣленной территоріи" [illegible], изданныхъ „съ цѣлью подтвердить древнія общія права каждой земли, опредѣлить отношенія ея къ государству и его мѣстнымъ органамъ и регламентировать различныя стороны мѣстной общественной жизни, преимущественно на основаніи мѣстныхъ обычаевъ" (Ясинскаго Устав. зем. грамоты, стр. 32, 36).

Невѣрность такой формулы съ дѣйствительностью явствуетъ уже въ виду того обстоятельства, что областные привилеи [illegible] западно-русскихъ земель, когда вмѣстѣ съ разложеніемъ былаго земскаго ихъ единства мѣстное право на всей территоріи литовскаго государства [illegible] степени [illegible] общественный классъ [illegible] своимъ сословнымъ [illegible] шляхетское, городское, духовное [illegible]. При такомъ положеніи вещей едвали можетъ быть рѣчь о регламентаціи „общихъ правъ" всего населенія земли, которой дается областной привилей.

При ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія областныхъ привилеевъ оказывается, что [illegible] основныя ихъ положенія сводятся собственно къ одному вопросу [illegible] мѣстныхъ [illegible], затѣмъ, привилеи [illegible] состоянія [illegible], то лишь на сколько они вообще соприкасаются съ мѣстною шляхтою, именно въ силу совмѣстной жизни

и возникающей отсюда общности интересовъ экономическихъ, тягловыхъ и пр.

Мы, поэтому, не замѣчаемъ никакой существенной разницы, съ одной стороны, между земскими и областными привилеями, въ равной мѣрѣ регулирующими и охраняющими сословныя права и вольности шляхетства на территоріи всего государства (что́ и обозначается весьма точно въ самомъ названіи такихъ актовъ „земскими" привилеями) или отдѣльныхъ его областей („привилеи мѣстные или областные")[1], — съ другой, между мѣстными привилеями, имѣющими значеніе цѣлыхъ уставовъ областей, и такими привилеями и уставами, которые касались лишь отдѣльныхъ мѣстныхъ вопросовъ (наприм., „члонки" о старостинскомъ судѣ Дорогичской земли, уставъ о Смоленской посощинѣ и т. п.).

Указаннымъ характеромъ и назначеніемъ областныхъ привилеевъ объясняется, почему привилеи даны были лишь нѣкоторымъ землямъ; другія же вовсе не знали никакихъ особыхъ мѣстныхъ уставовъ. Такъ, собственно литовская земля, т. е. бывшія княжества Виленское и Трокское, не имѣли особыхъ привилеевъ, и именно потому, что, какъ мы знаемъ, древнѣйшіе земскіе при-

---

[1]) Яснискій (Уст. зем. грамоты, 25 и слѣд.) весьма не точно, по нашему мнѣнію, опредѣляетъ областные привилеи терминомъ: „жалованныя грамоты *охранительнаго* характера", „охранительныя грамоты" и пр. Всякій законъ, общій и партикульный, всегда и вездѣ имѣетъ своей основной тенденціей именно охрану права, льготы, привилегіи и т. д. Не слѣдуетъ также приравнивать областные привилеи литовской Руси къ уставнымъ грамотамъ московскаго государства и называть первые „уставными земскими грамотами" (см. Яснискаго Уст. зем. грамоты, 32). Въ московскихъ уставныхъ грамотахъ (напр., Двинской и Бѣлозерской) дѣйствительно рѣчь идетъ о мѣстныхъ законахъ, по которымъ жило все населеніе данной области, руководившееся съ своими правителями въ порядкѣ мѣстнаго управленія общими нормами своихъ отдѣльныхъ уставовъ; областной же привилей западной Руси вездѣ ставитъ на первомъ планѣ не общія нормы данной области, а прежде всего „доброволенства" мѣстнаго боярства и другихъ классовъ, имѣвшія на дѣлѣ такое же сословное значеніе, какъ и „libertates et iura" земскихъ привилеевъ.

вилеи (1387 и 1413) имѣли исключительно значеніе двухъ привилеевъ собственно „литовской земли“. Затѣмъ, области бывшей Черной Руси (княжества Городенское, Новгородское и Слонимское) теряютъ старую удѣльную самостоятельность еще въ концѣ XIV и началѣ XV ст., входятъ (1413 г.) въ составъ Трокскаго воеводства и [illegible] литовской земли. Тоже самое нужно сказать о княжествѣ Пинскомъ и другихъ областяхъ литовскаго Полѣсья, вошедшихъ въ составъ сосѣднихъ литовскихъ воеводствъ почти вслѣдъ за Черной Русью (См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, Іюль, 109—113, 161, 171, 181 и пр.). Что касается, наконецъ, сѣверской земли, то до самаго своего отхода къ Москвѣ (въ началѣ XVI ст.) земля эта жила на особомъ удѣльномъ положеніи, и въ ней не успѣли отложиться въ рѣзкихъ формахъ сословные элементы, вызвавшіе съ XV ст. въ другихъ русско-литовскихъ земляхъ особыя областныя хартіи.

Изъ источниковъ видно, что областные привилеи стали издаваться вслѣдъ за первыми земскими привилеями, именно при Ягеллѣ и Витовтѣ. Первому изъ нихъ принадлежатъ привилеи Жмудской и Луцкой земель, второму — земли Полоцкой. Остальные привилеи изданы были при Казимірѣ Ягеллонѣ (привил. земель Витебской, Смоленской, Кіевской, Волынской и Дорогичской) и Александрѣ (привил. Бѣльской земли). Каждый привилей, затѣмъ, подтверждался послѣдующими великими литовскими князьями, причемъ несомнѣнно каждый разъ вносились въ привилеи новыя статьи. Изъ старыхъ привилеевъ сохранились до нашихъ дней лишь привилеи Луцкой земли; уставы остальныхъ областей дошли только въ позднѣйшихъ редакціяхъ, въ видѣ подтвердительныхъ привилеевъ королей Александра, Сигизмунда I и др. Къ сожалѣнію, дошедшіе до насъ привилеи (кромѣ Луцкихъ) не даютъ никакихъ, хотя бы приблизительныхъ, указаній на первоначальный ихъ составъ и на позднѣйшія дополненія и перемѣны въ нихъ, при послѣдующихъ ихъ изданіяхъ.

Къ древнѣйшимъ земскимъ привилеямъ принадлежатъ четыре [illegible]. Первая изъ нихъ дана имъ, въ качествѣ „Lithuaniae princeps supremus“, въ 1392 г. (16 апрѣ-

ля) шляхтѣ и подданнымъ (baronibus, militibus, bojarinis, nobilibus et clientibus Луцкой земли), съ пожалованіемъ имъ всѣхъ правъ, порядковъ и обычаевъ земскаго права (omnia ea iura, modos et consvetudines iurium universos), какими пользуются земяне (terrigene) земли Львовской въ награду за ратныя услуги и постоянную къ нему вѣрность Лучанъ во время бывшихъ смутъ въ Литвѣ и на Руси (Arch. Sang. I, № 13).

Изъ привилея 1392 г. не видно, въ чемъ именно заключались предоставленныя Лучанамъ права и привиллегіи земянъ Львовскихъ [1]). Въ данномъ случаѣ не могло быть рѣчи о польскихъ шляхетскихъ вольностяхъ, которыя были предоставлены Луцкой шляхтѣ лишь въ 1432 г.

Началу 30-хъ годовъ XV столѣтія принадлежатъ три грамоты Ягеллы, данныя той же Луцкой землѣ. Въ одной изъ нихъ (безъ даты) [2]) подтверждаются права всѣхъ жителей (католиковъ, православныхъ и жидовъ) этой земли, владѣльческіе подданные освобождаются отъ всякихъ господарскихъ платежей, кромѣ „cla“ (торгов. пошлинъ); стацыи (кормы) доставляются земянами

---

[1]) При королѣ Казимірѣ (въ 1356 г.). было введено въ Львовѣ магдебургское право (см. Hist. miasta Lwowa, p. 304. Skarbiec, № 409). Львовскимъ же мѣщанамъ даны были пожалованія Людовикомъ и корол. Ядвигою; грамота послѣдней сохранилась отъ 1386 г. (Rzyszczewski, Codex dipl. Polon. 1, № 138). Но въ этихъ грамотахъ нѣтъ ни слова о какихъ либо привиллегіяхъ земянъ Львовскихъ. Со времени присоединенія къ Польшѣ при Казимірѣ (въ 1349) Львовская земля, какъ и другія русскія области, принадлежавшія въ XIV стол. къ составу польскихъ провинцій, жила по своему мѣстному „русскому“ праву. Замѣна послѣдняго правомъ польскимъ принадлежитъ Едлинской конституціи 1433, затѣмъ привилеямъ 1456 и 1507 г. (См. Vol. leg. I, p. 40, 166. Bandtkie, Ius Polon., p. 231, 292. Skarbiec, № 1652, 1943, 2191).

[2]) Даниловичъ относитъ эту грамоту къ 1427 г. (Skarbiec, № 1429). Ясинскій (Уст. грам., 43) справедливо полагаетъ, что данный привилей могъ быть данъ послѣ смерти Витовта (1430 г.), самостоятельно управлявшаго Литов. вел. княжествомъ. Свѣдѣнія объ этомъ привилеѣ извлечены Даниловичемъ изъ Inwentarza Варшевицкаго.

лишь одному королю во время пріѣзда его въ Луцкую землю; наконецъ, дается обѣщаніе, что церкви православныя не будутъ закрываемы и никто не будетъ насильно обращаемъ въ католичество (Skarbiec, № 1429). Статья о стацыяхъ была подтверждена особымъ привилеемъ въ 1432 г. (ibid. № 1646). Въ томъ же году Ягелло издалъ общій для всего Луцкаго боярства привилей объ уравненіи его по правамъ съ шляхтой польской (Арх. Ю. З. Р. ч. V, т. I, № 1).

При томъ-же Владиславѣ-Ягеллѣ *(Жмудская земля)*, въ особенности мѣстная шляхта, получила особыя привилеи на „права и вольности“. Можно думать, что Жмудскій привилей, какъ и земскій Городельскій привилей 1413 г., данъ Ягелломъ вмѣстѣ съ Витовтомъ, бывшимъ въ то время вел. княземъ литовскимъ. По крайней мѣрѣ, въ дошедшемъ до нашего времени, позднѣйшемъ (1492 г.) привилеѣ Жмудскомъ упоминаются „листы, привилеи и права“, данныя Владиславомъ и Витовтомъ.

Кромѣ того, въ извѣстныхъ намъ Жмудскихъ грамотахъ упоминаются „листы“ и „права“, въ разное время пожалованныя Жмуди преемниками Витовта — Свидригайломъ, Сигизмундомъ Кейстутовичемъ и Казиміромъ Ягеллономъ (См. А. З. Р. I. № 103; III. № 59), и вообще „обычаи, права и привилья“, по которымъ издавна жила Жмудская земля (А. Ю. З. Р. I, № 86, стр. 72). Неизвѣстно съ точностію, были-ль эти „привилья“ самостоятельными пожалованіями разныхъ правъ жителямъ Жмуди, или же представляли собой лишь подтвержденіе старыхъ вольностей, пріобрѣтенныхъ Жмудинами при Ягеллѣ и Витовтѣ.

До нашего времени сохранился Жмудскій привилей, данный въ 1492 г. (Авг. 15) великимъ княземъ литовскимъ Александромъ Жмудской шляхтѣ, боярамъ, кметямъ, „мужамъ старымъ и молодымъ“ (и всему „поспольству“) на „права и ласки“, пожалованныя имъ прежними литовскими господарями, съ утвержденіемъ ихъ листовъ и привилеевъ въ „вѣчную моцность“ [1].

Такіе же подтвердительные привилеи съ новыми „данинами“

---

[1]) А. З. Р. I. № 103. См. также Zbiór pr. Lit., 67; Skarbiec, № 2046. Dogiel, Codex diplom. reg. Pol. VII, MS.

давались Жмудинамъ и позже. Изъ источниковъ видно, что Жмудьская земля пріобрѣтала разныя „права, вольности, привилья и данины“ отъ всѣхъ послѣдующихъ литовскихъ господарей - Сигизмундовъ I и II, Сигизмунда-Августа и Генриха.

Изъ этихъ позднѣйшихъ привилеевъ сохранились въ печати полностію только два — Сигизмунда I и Генриха. Есть, кромѣ того, указаніе, что Сигизмундъ-Августъ въ 1569 г., подтвердилъ упомянутый выше привилей Александра конца XV ст. (См. А. З. Р, I, стр. 122). Отъ времени Сигизмунда I извѣстна небольшая грамота, данная въ 1522 г. на имя Жмудьскаго старосты съ подтвержденіемъ мѣстныхъ обычаевъ о „входахъ“ и всякихъ „пожиткахъ“ Жмудиновъ въ пущахъ, рѣкахъ и лѣсахъ (Skarbiec, № 2286).

Самымъ позднимъ привилеемъ Жмудьской земли считается листъ кор. Генриха, 1574 (Апрѣля 9). Изъ него видно, что представители Жмудьской шляхты (панове рада и послы земскіе) отъ имени мѣстныхъ тивуновъ, державцевъ, шляхты, бояръ и всего „рыцарства“ Жмудьской земли, на коронаціонномъ сеймѣ представили вновь избранному королю (Генриху) старые листы (писанные „по латынѣ и по руску“), съ просьбой утвердить всѣ „стародавніе обычаи, права, свободы, вольности и привилья“, пожалованныя прежними господарями „всимъ родичамъ земли Жомойтской *стану и народу шляхетскому*“. Составленный вслѣдствіе такого челобитья и утвержденный королемъ Генрихомъ Жмудьскій привилей представляетъ собою сводъ всѣхъ старыхъ привильевъ, дававшихся со временъ Ягелы и Витовта, какъ только-что замѣчено, въ значеніи собственно мѣстной шляхетской хартіи, а не уставной грамоты всего населенія страны (А. З. Р. III, № 59).

Жмудьскій привилей 1492 г. по своему содержанію, представляетъ чисто шляхетскую хартію, гарантирующую права и вольности мѣстной шляхты, какими она пользовалась со временъ Ягеллы и Витовта. Во главѣ привилея стоитъ статья, въ которой господарь выражаетъ желаніе, чтобы никто не укорялъ Жмудиновъ въ томъ, что они были побѣждены оружіемъ,—они „пристали“ къ литовскому княжеству „зъ доброю волею“. Въ послѣду-

ющихъ 23-хъ статьяхъ опредѣляются различныя права шляхты и боярства по тѣлу, суду и пр. Такимъ образомъ, господарь обязуется впредь „держать" шляхтой всѣхъ, кто принадлежалъ къ ней со временъ Владислава-Ягеллы, Витовта и Казиміра, —не нарушать старыхъ правъ и привиллегій, какъ всей Жмудьской шляхты, такъ и шляхты и бояръ съ „посполствомъ" отдѣльныхъ повѣтовъ (Кнетовскаго, Перноровскаго и др.). Шляхтѣ предоставляется выборъ старосты (съ господарскою „волею"—утвержденіемъ), воеводъ и тивуновъ, свобода отъ всякихъ замковыхъ работъ (кошенія сѣна и пр.), отъ „выправенія земскаго" (или „заставы", expeditiones, охраны городовъ и границъ отъ непріятеля), настьбы господарскихъ коней и поставки имъ корма. Изъ повинностей остаются обязательными для шляхты только тѣ, какія она отправляла съ Ягеллы и Витовта,—купичная дань (собственно съ владѣльческихъ подданныхъ), служба (ратная—servitutes) и поддержаніе старыхъ господарскихъ дворовъ („за Витовта"). Есть, затѣмъ, нѣсколько статей, гарантирующихъ гражданскія права шляхты. Таковы статьи: о правѣ вдовъ владѣть имѣніемъ мужа до выхода въ новый бракъ (вдова беретъ тогда „посагъ"—обезпеченіе приданаго мужемъ,—его имѣніе отходитъ къ его „пріятелямъ и прирожонымъ"): о вѣчномъ и „неотмѣнномъ держаньи" селъ и иныхъ „речей" по старому; объ огражденіи старыхъ правъ на „посполитые" ловы звѣриные и рыбные; о подтвержденіи старыхъ „подаваній" (donationes), съ запрещеніемъ тивунамъ брать при всякихъ пожалованіяхъ „посулы" („гостинцы" и „поклоны" другихъ привилеевъ, т. е. подарки при пожалованіи какихъ либо льготъ). Личныя права шляхты гарантируются статьей о платѣ за „мужебойство" шляхтича шляхтичемъ, а также статьями о судебныхъ гарантіяхъ: о наказаніи шляхтича не по одному „нароку" (недоказанному наговору), а лишь по суду „правомъ литовскимъ",—о судѣ на мѣстѣ (дѣцкихъ не слать изъ Литвы за р. Нѣвяжъ, разграничивавшую Жмудь отъ собственной Литвы) и о не взиманіи судебнаго заклада („выдавщины", obligatio vadium) и „пересуда" (judiciales, судебныхъ пошлинъ).

Въ Жмудьскомъ привилеѣ 1574 г. находимъ, кромѣ старыхъ

положеній, болѣе или менѣе развитыхъ и дополненныхъ, также рядъ новыхъ статей, взятыхъ, по большей части, изъ обычаевъ и касающихся, главнымъ образомъ, шляхетскихъ вольностей. Таковы главнѣйшія положенія: о недержаніи одновременно двухъ тіунствъ и державъ и о запрещеніи давать ихъ за деньги или „въ заставу"; о раздачѣ „осѣдлостей" и „спадковыхъ" имѣній только „родичамъ" (туземцамъ) Жмуд. земли; о „вольномъ уживаньи" угодьями—„уступами и „уходами", въ озерахъ и рѣкахъ; о держаньи господарскихъ лѣсничихъ по стародавнему обычаю лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ; о невзиманіи мыта съ лѣсныхъ и вообще сельскихъ продуктовъ, провозимыхъ за рубежъ Жмуди, также съ другихъ товаровъ, купленныхъ на собственныя нужды; о невыдачѣ заручныхъ (охранныхъ) листовъ по „заочному оповѣданью„ въ противность вольностямъ Жмудьской земли; о замѣнѣ старой куничной дани, платившейся подданными господарскими, чиншемъ (гдѣ введено волочное хозяйство); наконецъ, объ учрежденіи новыхъ урядовъ — каштеляновъ, подкоморьихъ, войскихъ, судей и пр. и о „съѣздахъ" шляхты для урядовыхъ выборовъ.

Времени Витовта (1392 — 1430 г.) принадлежатъ древніе привилеи *Полоцкой земли*. Земля эта находилась въ зависимости отъ Литвы еще со времени Миндовга (съ 1241 г.), окончательно же присоединяется къ литовскому государству при Витенѣ (около 1307 г.). Удѣльная самостоятельность Полоцкаго княжества держалась до конца XIV стол.: въ 1500 г. было образовано отдѣльное Полоцкое воеводство (см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, Іюль, стр. 117).

Въ сохранившейся до нашихъ дней Полоцкой грамотѣ 1511 г. говорится, что Полоцкая земля обладала „добровольенствами", „правами добрыми хрестіянскими, *какъ въ коруне Польской*", пожалованными ей въ листахъ и привильяхъ прежнихъ литовскихъ господарей—Витовта, Свидригайла, Сигизмунда (Кейстут.), затѣмъ Казиміра и Александра [1]. Ихъ-то листы и приви-

[1]) Ясинскій, въ своемъ обзорѣ привилеевъ, пытается точно пріурочить къ опредѣленному времени изданіе старыхъ привилеевъ даже указывать приблизительно годы ихъ изданія (См. Уст. зем.

леи, по челобитью бояръ Полоцкихъ, мѣщанъ, всего города и всей земли Полоцкой, были утверждены королемъ Сигизмундомъ I на вальномъ Берестейскомъ сеймѣ, въ 1511 г., съ „щедробливости“ и „ласки“ господарской, за „вѣрность, сталость, вѣру и послугу“ Полочанъ и ихъ предковъ (А. З. Р. II, № 70) Изъ Полоцкихъ привилеевъ послѣдующаго времени, служащихъ подтвержденіемъ старыхъ пожалованій и дословно воспроизводящихъ содержаніе привилея 1511 г., извѣстны привилеи Сигизмунда Августа—1547 г., Стефана Баторія—1580, Сигизмунда III 1593 и Владислава IV—1634 г. (А. З. Р. III, № 5. Skarbiec, № 2344. Ак. Вил. Ком., XIII, № 21. А. З. Р. II, стр. 90). Полоцкіе привилеи удерживали силу и послѣ присоединенія Полоцка къ Россіи: указомъ Императрицы Екатерины II, 1788 г., было предоставлено Полоцкимъ панцырнымъ боярамъ пользоваться правами и преимуществами, пожалованными польскими королями Полочанамъ, — въ указѣ цѣликомъ приводится содержаніе Полоцкаго привилея 1547 г. (см. „Первое Пол. Собр. закон. Рос. Имперіи“. № 16611).

Сдѣлаемъ очеркъ главныхъ положеній Полоцкаго привилея 1511 г., въ которомъ воспроизводятся всѣ типическія особенности литовскихъ областныхъ привилеевъ. Привилей этотъ представляетъ собственно сводъ старыхъ привилеевъ Витовта и другихъ литовскихъ господарей, первоначально дававшихся, по всѣмъ видимостямъ, отдѣльно боярамъ и отдѣльно горожанамъ Полоцкимъ и позже сведенныхъ въ одинъ общій уставъ. Ссылка привилея 1511 г. на „доброволенства“ и права, „какъ въ корунѣ Польской“, данныя Полочанамъ Витовтомъ и другими вел. князьями литовскими, ясно указываетъ на то, что еще при Витовтѣ были распространены на Полоцкое боярство „libertates et jura“ литовской шляхты, сравнявшейся по правамъ съ шляхтой коронной (польской): „права, „какъ въ корунѣ Польской“, во всякомъ случаѣ обозначаютъ не общія права всего населенія Полоцкой

грамоты, 53. 62 и пр.). Все это, понятно, лишь одни догадки, не обоснованныя на документальныхъ данныхъ.

земли, а лишь одного мѣстнаго боярства. Начальныя статьи Полоцкаго привилея 1511 г., прямо скопированы съ общеземскихъ привилеевъ литовской шляхты 1387 и 1413 г.: таковы, наприм., статьи: о наказаніи по суду, а не „обвадѣ“ явной или тайной, за личную, а не чужую вину,—о „держаньи“ имѣній отчизныхъ и господарскихъ данинъ, „какъ въ королевствѣ Польскомъ“ и пр. Съ другой стороны, одновременно съ мѣстнымъ боярствомъ „правами Витовтовыми“ надѣлялось, какъ сейчасъ увидимъ, также городское населеніе Полоцка, долго не выдѣлявшееся изъ общаго земскаго строя. Изъ этихъ-то отдѣльныхъ привилегій Полоцкихъ боярь и горожанъ и сложились „доброволенства“, формулированныя въ дошедшемъ до насъ Полоцкомъ привилеѣ. Къ сожалѣнію, въ немъ не находимъ достаточныхъ указаній, на основаніи которыхъ можно было бы со всею точностію отдѣлить „доброволенства“, первоначально пожалованныя одному боярству, отъ правъ и преимуществъ горожанъ Полоцкихъ. Для нашей цѣли будетъ достаточно суммировать главныя положенія Полоцкаго привилея, относящіяся къ праву государственному, гражданскому, уголовному и судопроизводству.

Представителемъ литовскаго господаря въ Полоцкой землѣ является мѣстный воевода — господаревъ намѣстникъ. По привилею 1511 г., господарь даетъ Полочанамъ своего воеводу, „по ихъ воли“ (избранію); воевода, который будетъ имъ „нелюбъ“, смѣняется новымъ по ихъ волѣ. По пріѣздѣ въ Полоцкъ, каждый воевода, перваго же дня, цѣлуетъ крестъ (присягаетъ) Полочанамъ въ томъ, что не будетъ Полочанина „казнить“ („карать“) безъ ихъ „исправы“ (суда). Господарь обязуется не „дарить“ (давать въ вотчину, частное владѣніе) Полочанъ и города воеводѣ и никому иному. Воевода судитъ „по цѣлованью“ съ боярами (мѣщанъ—съ боярами и мѣщанами) въ городѣ, а не по станамъ и волостямъ, куда не долженъ воевода ѣздить для наряда и суда на мѣстѣ; онъ можетъ ѣздить по станамъ только въ „ловы“, безъ права брать отъ жителей дары. Воевода не долженъ также брать „посулъ“ отъ городскихъ „пригоновъ“ (тяглыхъ службъ и работъ въ господар. дворахъ и замкахъ), но можетъ принимать „гостинцы“ отъ „варь“, (варки воска, составлявшаго, при широ-

комъ развитіи въ Полоцкой землѣ бортнаго пчеловодства, одну изъ главныхъ статей отпускной торговли Полочанъ), какъ и самому господарю литовскому предоставляется принимать отъ Полочанъ „чоломъбитье“, т. е. не петиціи, какъ полагаетъ Ясинскій (стр. 125), но добровольные дары, при назначеніи въ должности или пожалованіи имѣній и разныхъ льготъ[1]. — Воевода отправляетъ свой нарядъ чрезъ „воеводиныхъ слугъ“. Пригороды и волости управляются тивунами (городскими и волостными), избиравшимися мѣстнымъ населеніемъ[2]); они судятъ по „старой пошлинѣ“, безъ вмѣшательства воеводскихъ слугъ („съ тивуномъ воеводинымъ слугамъ не ѣздити по волости Полоцкой“). — Дѣла собственно „мѣщанъ“ Полоцкихъ вѣдаются войтомъ, бурмистрами и радцами (должности эти появились въ Полоцкѣ со времени введенія въ немъ магдебургскаго права, 1498 г.); торговыя дѣла судятся самими Полочанами, безъ вмѣшательства господаря и воеводы.

Въ Полоцкомъ привилеѣ находимъ положенія, касающіяся главныхъ общественныхъ классовъ: духовенства, бояръ, горожанъ и сельчанъ. Свѣтская власть не вмѣшивается въ церковныя дѣла, домы, земли и доходы, вѣдаютъ: владыка, владычніе слуги, игумены, попы и старосты (упоминаются городскіе старосты, избиравшіеся приходами для завѣдыванія церк. домами, большею частію устроивавшимися на счетъ приходовъ)[3]). Мѣстное духо-

[1]) Извѣстны также поклоны (тоже что и гостинцы воеводъ, т. е. подарки за разныя льготы (См. Бершадскаго Литов. евреи, стр. 275). О подаркахъ господарямъ при назначеніи должностей говорятъ земскіе привилеи 1413 и 1492 г. (Zbiór pr. lit., 38) и другіе акты (см. мое соч. Очерки ист. лит. права,— Жур. Мин. Юр. 1893. Мартъ. 132. Ср. А. З. Р. I, № 204; II, 159; III, 5).

[2]) См. Бѣляева Исторія Полоцка, стр. 401—403. Ср. Niemcewicz, Pamiętniki. I, p. 411. Skarbiec, № 1549. А. З. Р. II, № 3.

[3]) Въ Полоцк. привилеѣ, кромѣ того, упоминаются „гривострижцы“ вь слѣдъ за статьями о духовенствѣ. Ихъ назначеніе неизвѣстно; полагаютъ, что это были „владычніе слуги“, принимавшіе извѣстное участіе въ совершеніи обряда ставленія (постриженія) въ попы и дья-

венство уплачивает владыкѣ „куницу соборную (сборную) шерстью“ (сборъ на содержаніе архіерейскаго дома) и не подлежитъ „пригону къ владыкѣ“, т. е. не обязано отбывать натуральныхъ повинностей.—Что касается мѣстныхъ бояръ, то въ пору привилея 1511 г. они несомнѣнно пользовались всѣми льготами русско-литовской шляхты. Къ боярамъ по преимуществу относятся положенія привилея о гарантіяхъ личныхъ и имущественныхъ (изложены въ нашемъ привилеѣ вполнѣ сходно съ положеніями земскихъ привилеевъ), —о занятіи должностей по мѣстному наряду, о правѣ суда бояръ надъ своими слугами и людьми, съ правомъ на полученіе „винъ“ уголовныхъ пеней по преступленіямъ людей владѣльческихъ, —о правѣ отъѣзда за рубежъ и пр. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, какъ видно изъ привилея 1511 г., Полоцкое боярство не совсѣмъ обособилось въ это время отъ другихъ свободныхъ сословій: бояре, имѣющіе въ городѣ свои дома, мѣста и дворища, съ живущими въ нихъ слугами и людьми, участвуютъ съ мѣщанами въ завѣдываніи городскими „важницами“ (вѣсами) и пользуются половиною слѣдуемыхъ съ „вагъ“ сборовъ. Владѣльческіе люди, живущіе въ церковныхъ и боярскихъ домахъ и дворищахъ городскихъ, подлежатъ мѣстнымъ (городскимъ) повинностямъ, если они занимаются купечествомъ и ремеслами. На подгородныхъ фольваркахъ и земляхъ (владычнихъ и церковныхъ) привилей запрещаетъ сажать людей торговыхъ и ремесленныхъ, —могутъ жить только люди сельскіе, „которые бы тамъ хлѣбъ робили (пахали)“. Люди владѣльческіе платятъ „поземь“—поземельную плату владѣльцамъ. Касательно мѣщанъ привилей содержитъ правила о „серебщизнѣ“, назначенной войтомъ, бурмистрами и радцами на городскія нужды и раскладываемой между мѣщанами и людьми владѣльческими, живущими въ городѣ въ качествѣ торговыхъ и ремесленныхъ людей, —о „важницѣ“ (вагѣ, торг. вѣсахъ), какъ замѣчено, бывшей въ общемъ завѣдываніи городскихъ бояръ и мѣщанъ (для сбора „плата“ съ вагъ ежегодно избираются по 2 боярина и по 2 мѣщанина), —

коны и сбиравшія владычнія пошлины съ ставленниковъ (См. Ясинскаго Уст. зем. грамоты, стр. 128).

о самостоятельномъ судѣ городскомъ по дѣламъ торговымъ, — именно по дѣламъ о торговлѣ недоброкачественнымъ товаромъ (воскомъ) виновный судится и наказывается самими Полочанами по ихъ „праву“, безъ вмѣшательства господаря.

По вопросу объ организаціи господарскихъ повинностей и сборовъ привилей 1511 г. вообще усвоилъ основныя положенія земскихъ привилеевъ. Обязательною для всѣхъ „службой“ считается лишь одинъ выходъ на войну: къ войнѣ Полочане всегда должны быть готовы. Далѣе идутъ разнообразныя сословныя привиллегіи. Такъ, выходъ въ „заставу“ (охрану пригородовъ, замковъ и границъ) не обязателенъ для бояръ, мѣщанъ и сельскихъ путниковъ; въ самомъ Полоцкѣ застава дается на ихъ волю. Такими же льготами пользуются Полочане касательно подводной повинности. Затѣмъ, бояре и ихъ люди не тянутъ никакой „службой“ къ господарскимъ дворамъ, не платятъ серебщины, ордынщины и другихъ сборовъ и мытъ, слѣдовавшихъ въ господареву казну. Всѣ эти службы, поплатки и податки господаревы лежатъ на однихъ мѣщанахъ; люди владѣльческіе тянутъ съ ними общія службы и подати лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они занимаются въ городѣ торговлей и ремеслами.

Положенія Полоцкаго привилея 1511 г. по гражданскому праву цѣликомъ основаны на общихъ началахъ земскихъ привилеевъ и вовсе не распространялись на мѣщанъ, жившихъ въ то время по магдебургскому праву. Таковы статьи: о держаньи отчизнъ и даннинъ, какъ въ Польшѣ, съ правомъ отчужденія, „объявивши“ о томъ господарю или его намѣстнику,—о невмѣшательствѣ господаря въ купленины, также выморочныя имѣнія („безадчины“ и „отмерщины“) и разныя угодья — бобровыя, лѣсныя, бортныя и пр.,— о правѣ вдовъ на владѣніе имѣніемъ мужа, пока „сидятъ на вдовьемъ стольцѣ“ (какъ по земскому привилею 1387 г.), и о наслѣдованіи дѣтей, братьевъ и ближнихъ умершаго владѣльца.

Наконецъ, уголовно-процессуальныя положенія привилея 1511 г. основаны на началахъ гарантіи личныхъ правъ, изложенныхъ въ земскихъ привилеяхъ, частію также взятыхъ изъ мѣстныхъ обычаевъ. Гарантіи эти относятся непосредственно къ бо-

ярству,—мѣщане и въ этомъ отношеніи подлежали опредѣленіямъ своего сословнаго (магдебургскаго) права. Подобно всѣмъ шляхетскимъ привилеямъ, Полоцкій уставъ формулируетъ общія начала личныхъ гарантій: не наказывать по одной „обвадѣ", но лишь по суду, „очи на очи", кто чего заслужилъ, по винѣ, какъ „право" (судъ) укажетъ,—не наказывать за чужую вину и т. п. Подсудность опредѣляется по различнымъ сословнымъ началамъ. Судъ господарскій по преимуществу судъ шляхетскій. Въ нашемъ привилеѣ непосредственный судъ господарскій установляется, если обѣ стороны обратятся къ этому суду,—иначе „дѣцкій изъ Литвы не посылается за Полочаниномъ": господарь посылаетъ листъ воеводѣ Полоцкому, съ приказомъ разрѣшить дѣло на мѣстѣ, съ участіемъ Полочанъ въ воеводскомъ судѣ и по ихъ праву. Въ пригородахъ и волостяхъ судъ вершатъ тивуны, а въ мѣстѣ Полоцкомъ войтъ съ радою, по началамъ магдебургскаго права. Слуги и люди, живущіе на боярскихъ земляхъ, подсудны своимъ владѣльцамъ. Владычнему суду подлежатъ всѣ люди церковные. Что касается судопроизводства, то въ привилеѣ 1511 г. находимъ общія начала („старыхъ судовъ не посуживать", судить „по ихъ праву", по „крестному цѣлованью" и т. п.) и рядъ процессуальныхъ правилъ, взятыхъ большею частію изъ обычаевъ и сходныхъ съ правилами другихъ областныхъ привилеевъ, именно: объ обезпеченіи явки къ суду („черезъ поруки въ нятство не сажати"), о судебномъ закладѣ выдачкѣ „въ кольцо" [1]).

---

[1]) Выдачка въ кольцо тоже самое, что „поставенье шапки" въ „кругъ", за „черту", „прирука" или „зарука", „*присны*" съ денежнымъ закладомъ, дававшимся каждой стороной на судѣ въ подтвержденіе правоты притязаній, обыкновенно въ началѣ формальнаго разбирательства дѣла, при ссылкѣ на свидѣтелей и пр. Присяга съ залогомъ, особенно предъ формальнымъ разбирательствомъ дѣла на судѣ, какъ кажется, представляетъ институтъ, вполнѣ аналогическій съ предварительной присягой, какая требуется Новг. судн. грамотой отъ истца и отвѣтчика въ подтвержденіе правоты ихъ притязаній. (О присягѣ съ залогомъ въ этомъ смыслѣ см. Arch. Sang. III, стр. 402, 413 и пр. Ср. А. З. Р. I. № 232. А. Ю. З. Р. I, № 232. Ак. Вил. Ком. XVII, № 3, 11, 18 и др.; XVIII, 13, 35, 63 и др. Skarbiec № 2262, 2263, 2269. Arch. Sang. I, p. 147; III, 14, 17, 93, 113

о судебныхъ доказательствахъ („холопу и робѣ“, какъ и „по мукѣ, вѣры не яти“), о „мирщинѣ“ (примиреніи сторонъ до формальнаго суда) и судныхъ пошлинахъ (дѣцкованьи, помильномъ).

„Дополненіемъ къ перечисленнымъ привилеямъ служитъ „декретъ“, данный въ 1456 г. Казиміромъ Ягеллономъ населенію самаго Полоцка -боярамъ, мѣщанамъ, городскимъ дворянамъ, чернымъ людямъ и всему „поспольству“. Въ этомъ декретѣ подтверждаются старыя „права Витовтовы“ касательно сборовъ („помочи“) со всего городскаго населенія на общественныя нужды (съ запрещеніемъ Полоц. боярамъ уклоняться отъ „помочи“), о порядкѣ и храненіи общественныхъ суммъ („скрыни“), о городскихъ „соймахъ“ (старыхъ русскихъ вѣчахъ), о десятникахъ и подвойскихъ городскихъ и наконецъ о городскихъ „закладняхъ“ — кабальныхъ холопахъ восточно-русскимъ памятниковъ (А. З. Р. I, № 60). Какъ видно изъ перечня вопросовъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ грамотѣ Полочанъ половины XV стол., послѣдніе еще не выдѣлялись въ это время изъ общаго земскаго строя, продолжали жить по началамъ обычнаго права всей земли. Магдебургское право, повлекшее за собой полное выдѣленіе городской общины въ особую муниципію, безъ всякой связи съ жизнію цѣлой земли, было введено въ Полоцкѣ лишь въ концѣ XV ст. (въ 1498 г.) [1]. Полоцкая грамота половины XV ст. представляетъ одинъ изъ весьма немногихъ памятниковъ мѣстнаго права западно-русскихъ земель литовской эпохи, безъ особыхъ сословныхъ квалификацій, болѣе или менѣе замѣтныхъ во всѣхъ другихъ областныхъ привилеяхъ.

и др.; IV, 9, 14, 43, 486, 534. Лит. Стат. 1529, VIII, 15, 16; Ст. 1566, IX, 13, 14; Ст. 1588, IX, 22, 23. О выдачкѣ см. Czacki, O litew. i pol. pr. II, 59. Narbutt., Dzieje, I, 294. Jaroszewicz, Obraz, 160, 223. Тумасова Дворянство, 101. Буданова Христ. II, 49. Ясинскаго Уст. гр., 189, 194. Спрогисъ, Древ. народ. копные суды (Труды Вилен. отд. Моск. предварит. археол. комит. 1895. стр. 263). А. Ефименко О копн. судахъ (Русск. Мысль, 1893, окт.).

[1]) А. З. Р. I, № 159. Ср. Baliński, Staroż. Polska (2-е изд.), IV, p. 486.

Витебская земля вошла въ составъ великаго княжества литовскаго при Гедиминѣ (съ 1320 г.), именно вслѣдствіе брака Ольгерда Гедиминовича съ единственной наслѣдницей Витебскаго удѣла, дочерью Ярослава Васил., послѣдняго русскаго князя въ Витебской землѣ. Удѣльную самостоятельность земля эта удерживала за собой до 1393 г., когда Витебскій удѣлъ отошелъ къ непосредственнымъ владѣніямъ литовскихъ господарей и съ тѣхъ поръ сталъ управляться намѣстниками. Съ 1506 г. Витебскъ съ его областію становится отдѣльнымъ воеводствомъ [1]).

При Казимірѣ Ягеллонѣ (во второй половинѣ XV ст.) былъ пожалованъ Витебской землѣ привилей на разныя права и вольности [2]). Привилей этотъ, однако, не сохранился, — до нашего времени дошелъ лишь подтвердительный привилей короля Александра. 1503 г. (Іюля 16). Изъ него видно, что привилей Казиміра хранился въ Витебской церкви (Пречистенской), откуда онъ былъ выкраденъ „злодѣями" изъ Великаго Новгорода; копію этого-то привилея Витебляне представили королю Александру, съ просьбой дать имъ новый „листъ-привилей" отъ своего имени. Король, „зъ ласки, за ихъ вѣрную службу", далъ имъ свой листъ, „потому-жъ, какъ отецъ нашъ король его милость имъ далъ былъ" [3]). О подтвержденіи стараго привилея ходатайствовали

---

[1]) См. Жур. Мин. Нар. Пр. 1893, Іюль, ст. 118—119.

[2]) Ясинскій утверждаетъ, что первый привилей данъ Витебской землѣ еще Витовтомъ (въ началѣ 90-хъ годовъ XIV ст.) и затѣмъ подтверждался Свидригайломъ и Сигизмундомъ Кейстутовичемъ (Уст. зем. грамоты, 56). Между тѣмъ, ни изъ дошедшаго до насъ Витеб. привилея, ни изъ другихъ источниковъ, не видно, чтобы Витебляне получили общій привилей еще при Витовтѣ. „Грамоты" прежнихъ вел. князей (безъ поименнаго указанія ихъ) упоминаются въ привилеѣ 1503 г., именно только въ статьѣ о „выслугахъ" мѣстныхъ князей, бояръ, слугъ и мѣщанъ „на предкахъ нашихъ великихъ князехъ": король Александръ даетъ обѣщаніе—„того намъ у Витблянъ не отнимати по грамотамъ тыхъ князей". Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о простыхъ жалов. грамотахъ на имѣнія, а не привилеяхъ всей Витебской земли.

[3]) А. З. Р. I, № 204. Историко-юрид. матеріалы, извлечен. изъ книгъ Витеб. и Могил., II, 233. Сборникъ Муханова, № 83. Skarbiec, № 2157. Zbiór pr. lit. 99. Владим.-Буданова Христом. II, 46. Ясинскаго Уст. зем. грамоты. Ср. Бестужева-Рюмина Истор. II, 76.

„всѣ князья, бояре и слуги Витебскіе, войтъ и мѣщане мѣста Витебскаго и вся земля Витебская". Новый привилей представляетъ, по видимому, лишь копію стараго. Извѣстенъ, затѣмъ, подтвердительный привилей Сигизмунда I (1509 г. Февр. 18), представляющій собой также дословную копію привилея Александра [1]). Нѣтъ свѣдѣній, чтобы Витебляне получали новые привилеи въ позднѣйшее время.

Какъ видно изъ содержанія Витебскаго привилея 1503 г., онъ представляетъ собой, подобно Полоцкому привилею, сводъ мѣстныхъ обычаевъ съ шляхетскими „libertates et jura", предоставленными земскимъ привилеемъ 1457 г. всему составу литовско-руской шляхты. Изъ мѣстнаго „права" Витебской земли несомнѣнно взяты статьи о церковныхъ дѣлахъ (не вступаться въ „домы" и доходы церковные, не „рушить" ни въ чемъ правъ литвиновъ и ляховъ, принявшихъ „рускую" вѣру), о мѣстныхъ повинностяхъ (подводахъ, мытѣ, заставахъ и пр.) и судѣ (о татьбѣ, единаньи, вдачкѣ „въ кольцо", или судебномъ закладѣ, — о дѣцкованьи и вообще о судѣ по мѣстному „праву" Витеблянъ). Большинство же положеній Витебскаго привилея воспроизводитъ общія шляхетскія „вольности", признанныя за шляхтой земскими привилеями 1387, 1413 и 1457 г.: объ отчинахъ, купленинахъ, выслугахъ, „безадщинахъ и отморщинахъ", т. е. вымороченыхъ имуществахъ,—о судебныхъ гарантіяхъ („о бидѣ не права дати", „безъ неправы и безъ вины не казнити", „на заочное оповѣданье не вѣрити" и пр.), о раздачѣ должностей (о назначеніи воеводъ, о „человъбитьи"), объ отъѣздѣ изъ Витебской земли и т. п. Есть, наконецъ, рядъ статей, касающихся собственно Витебскихъ мѣщанъ, — именно о ихъ повинностяхъ (пригонѣ, подводахъ и пр.), городскихъ земляхъ, торговыхъ пошлинахъ и о судѣ по торговымъ дѣламъ. Витебскій привилей изданъ былъ еще въ то время, когда Витебскіе граждане жили по общему земскому праву; выдѣленіе ихъ въ особую муниципію принадлежитъ концу XVI ст. (1597 г.), когда Витебску было пожаловано магдебургское право [2]).

---

[1]) Zbiór pr. Lit., 99.

[2]) А. З. Р. IV, № 118.

Со второй половины XV ст. издаются областные уставы и привилеи *Смоленской земли*. Земля эта входитъ въ составъ литовскаго княжества съ 1404 г. Съ половины XV ст. завязывается борьба между Литвой и Москвой изъ-за обладанія Смоленщиной; борьба эта закончилась присоединеніемъ всей Смоленской земли къ московскому государству въ 1514 г.[1]). Этому-то времени борьбы изъ-за Смоленскихъ волостей, граничившихъ съ московскими владѣніями, принадлежатъ Смоленскіе уставы и привилеи королей Казиміра и Александра.

Первымъ уставомъ Смоленскимъ считается грамота Казиміра Ягеллона о посощинѣ Смоленской, около 1453 г.[2]). Въ грамотѣ записана „старина за Витовта", т. е. обычаи, установившіеся въ Смоленской землѣ со временъ Витовта касательно „посощины" (денежныхъ взносовъ въ господарскую казну съ сохъ на военныя потребности государства), коневой службы и владѣнія бобровыми гонами въ боярскихъ отчинахъ, купляхъ и „приданьяхъ" (пожалованіяхъ) господарскихъ. Старина эта записана по показаніямъ („повѣдаютъ стары старцы и путники старыи") волостныхъ (вѣроятно, выборныхъ) старшинъ въ имѣніяхъ боярскихъ и господарскихъ, и при томъ старшинъ „старыхъ", т. е. старожильцевъ, знавшихъ мѣстные обычаи. Настоящая грамота представляетъ собой не болѣе, какъ первый шляхетскій привилей, данный мѣстному Смоленскому боярству; онъ основанъ на общихъ положеніяхъ земскихъ привилеевъ 1387 и 1413 г. о шляхетскихъ вотчинныхъ имѣніяхъ и объ освобожденіи населенія,

---

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, Іюль, стр. 140 и слѣд.

[2]) Дата обозначена въ концѣ акта —Марта 21, индикта 1. Издатели грамоты въ „Актахъ, относящ. къ исторіи зап. Россіи" (I. № 55), полагаютъ, что запись эта составлена на основаніи „уставной грамоты" Витовта. Но это едва-ли такъ. Въ актѣ только говорится о „приданьяхъ" Витовта—селищахъ, дававшихся за службу отдѣльнымъ боярамъ. „Старина за Витовта" означаетъ собственно обычаи, установившіеся въ Смоленщинѣ со временъ Витовта. Будь подъ руками составителей настоящей записи уставная грамота Витовта, не было бы сказано въ ея титулѣ, что содержащаяся въ ней старина записана, какъ „повѣдали стары старцы и путники старыи".

жившаго въ этихъ имѣніяхъ, отъ общихъ господарскихъ сборовъ и повинностей, за исключеніемъ „данинъ", бывшихъ „въ воли" господарской [1]).

Времени Казиміра Ягеллона принадлежитъ также другой мѣстный уставъ Смоленской земли — запись о Ржевской дани. Ржева (Ржова) —одна изъ пограничныхъ Смоленскихъ волостей, издавна составлявшихъ общее владѣніе Литвы сначала съ Великимъ Новгородомъ, а затѣмъ съ Москвой (послѣ присоединенія къ ней Новгорода). При невозможности установить въ пограничныхъ областяхъ прочныя территоріальныя границы владѣній литовскихъ и новгородскихъ, въ нихъ посылались, по изстари установившемуся обычаю, намѣстники или даньщики литовскіе и новгородскіе, — дань уплачивалась пограничными областями обоимъ сосѣдямъ. Такое положеніе Ржевской области „на обѣ стороны" продолжалось и послѣ присоединенія Новгородской земли къ московскому княжеству въ 80-хъ годахъ XV ст. Ржева съ другими пограничными областями Смоленщины отошла подъ власть московскаго великаго князя Іоанна III, за которымъ Ржева была окончательно утверждена договоромъ 1494 г. [2]). Сохранившаяся до нашего времени запись о Ржевской дани (около 1479 г.), по всему видно, была составлена такимъ же образомъ, какъ и запись о Смоленской посощинѣ, —на основаніи показаній „старыхъ мужей" о мѣстныхъ обычаяхъ, —о томъ, что „здавна бывало и до сихъ мѣстъ" [3]). Въ записи рѣчь идетъ о разныхъ мѣстныхъ сборахъ, повинностяхъ и подсудности жителей Ржевской волости. Къ Ржевѣ тянутъ, по записи, два погоста: Ошево и Бардово, каждый съ особыми округами — губами или третями (въ Ошевскомъ погостѣ—губы Влицы, Цебло и Ратинъ, трети— Будкинская и Туровская; въ Бардовскомъ погостѣ — трети Бардовская, Ольская и Ругодевская). Для каждой изъ такихъ губъ

---

[1]) См. А. З. Р. I, № 55. Danilowicz, Statut Kazim. Jagiell., 1826, p. 34. Zbiór pr. Lit., p. 55.— Владимірскаго—Буданова Христом., II, стр. 20.

[2]) См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1893, Іюль, стр. 142.

[3]) А. З. Р. I, № 71. Сборникъ Муханова, стр. 42.

и третей таксируются подробно (обыкновенно съ „дыма“) дани и другіе мѣстные сборы (яловщина или коровщина, сокольничье и пр.), кормы (страва), разныя таглыя работы и пошлины, а также опредѣляется судъ (съ судебными пошлинами—присудомъ, виной). Судъ, сборы и повинности Ржевскія разграничиваются въ записи между литовскимъ и московскимъ великими князьями, а также новгородскимъ владыкой и боярами, къ которымъ по изстаринному обычаю сосѣдніе Смоленскія области тянули судомъ и данью.

Кромѣ записи о Смоленской посощинѣ и Ржевской дани, при Казимірѣ Ягеллонѣ были изданы: общій „привилей—маестатъ“ (или „привилей маестатный“) Смоленской земли и нѣсколько „судовыхъ“ листовъ, съ подтвержденіемъ мѣстныхъ стародавнихъ „пошлинъ“ той же земли. Постановленія привилея и листовъ были, затѣмъ, при королѣ Александрѣ, въ 1505 г. (Марта 1), сведены въ одинъ привилей Смоленской земли и въ такомъ видѣ сохранились до нашего времени [1]).

---

[1]) См. А. З. Р. I, № 213. Сборникъ Муханова, № 85. Skarbiec, № 2164. См. Чарнецкаго Ист. Лит. Стат. (Унив. Изв. 1867, № 5 и сл.); Бестужева-Рюмина Истор. II, стр. 78; Ясинскаго Уст. зем. грам., стр. 57 и слѣд. Ясинскій полагаетъ, что первый Смоленскій привилей изданъ еще Витовтомъ около 1395 г., затѣмъ былъ подтвержденъ тѣмъ же Витовтомъ около 1404 г. и Сигизмундомъ Кейстутовичемъ ок. 1435 г. (уст. грам. 60 - 61). Но догадка эта нисколько не подтверждается документальными данными. Въ сохранившемся Смоленскомъ привилеѣ 1505 г. категорически говорится только о привилеѣ — маестатѣ и судовыхъ листахъ Казиміра, которые „клали“ Смольняне въ 1505 г. предъ кор. Александромъ, какъ о единственныхъ источникахъ, изъ которыхъ составился привилей, сохранившійся до нашихъ дней. О Витовтѣ и другихъ господаряхъ литовскихъ, предшественникахъ кор. Александра, говорится лишь въ случаѣ ссылокъ въ отдѣльныхъ статьяхъ привилея на „давній обычай, какъ передъ тымъ бывало за вел. князя Витовта и за Жикгимонта“ и пр.; но всѣ такія ссылки еще не даютъ никакого основанія заключать о томъ, что Витовтъ или другіе господари издавали цѣлые привилеи для Смоленской земли. Всѣ такія ссылки указываютъ лишь на то, что въ той или другой статьѣ привилея 1507 г.

Свѣдѣнія о первомъ Смоленскомъ привилеѣ-маестатѣ Казиміра сообщаются въ подтвердительномъ привилеѣ Александра. Изъ него видно, что Казиміръ съ панами радою въ своемъ маестатномъ привилеѣ далъ мѣстнымъ „князьямъ, панамъ и боярамъ“ Смоленскимъ то же самое „право“, какое онъ далъ предъ тѣмъ князьямъ, панамъ и боярамъ литовскимъ (по земскому привилею 1457 г.); „доброволенства“ и права даны „къ полѣпшенію“ Смоленской земли, съ „особливои своеи ласки“, за „вѣрную и справедливую службу“ Смоленской шляхты. Судовые листы даны были Казиміромъ также съ паны радою по просьбѣ тѣхъ же князей, пановъ и бояръ Смоленскихъ объ отмѣнѣ „новинъ“, введенныхъ по разнымъ случаямъ Смоленскими намѣстниками, и объ утвержденіи старыхъ обычаевъ, „какъ передъ тымъ бывало“.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ основу дошедшаго до насъ Смоленскаго привилея легли, главнымъ образомъ, „права“ и „доброволенства“, пожалованныя Казиміромъ въ 1457 г. всему литовско-русскому шляхетству и распространенныя затѣмъ на Смоленское боярство въ данныхъ ему привилеѣ и нѣсколькихъ „судовыхъ“ листахъ.

Дошедшій до насъ Смоленскій привилей данъ по челобитью всего населенія Смоленской земли: владыки, окольничихъ, всѣхъ князей, пановъ и бояръ, затѣмъ мѣщанъ, чорныхъ людей и всего посполъства „мѣста“ и земли Смоленской, представившихъ на

записанъ старый обычай, уже практиковавшійся при Витовтѣ, но и только. Вотъ всѣ мѣста привилея 1505, въ которыхъ упоминаются Витовтъ, Свидригайло и Сигизмундъ Кейстутовичъ: 1) „а къ пріѣзду своему и горожаномъ подводы велѣлъ е. м. давати, по тому какъ и при вел. князѣ Витовтѣ давали“; 2) „а што Швидригайло отвернулъ былъ волости отъ Смоленска“, — привернуть; 3) „и што вел. кн. Витовтъ обернулъ былъ ко Мстиславлю Смоленскоѣ волости“, — привернуть „по старому“; 4) „сторожу давать, какъ было здавна за вел. кн. Витовта и Жикгимонта и Казиміра“; 5) „абы конюшіе брали съ конского и животинаго стада куницу, подлѣ давного обычая, какъ передъ тымъ бывало за вел. кн. Витовта и за Жикгимонта“ (А. З. Р. I, № 213).

утвержденіе короля Александра привилей и листы Казиміра. Изъ этихъ-то актовъ, по распоряженію короля Александра съ панами —радою, и были „всѣ члонки выбраны" и вписаны въ новый, подтвердительный привилей. Послѣдній, такимъ образомъ, представляетъ простой сводъ всѣхъ мѣстныхъ „доброволенствъ", какими пользовались со временъ Казиміра боярство и посольство Смоленской земли; не видно, чтобы при редактированіи привилея при кор. Александрѣ были введены въ него какіе либо новые „члонки". Смоленскій привилей, по своему содержанію, во многомъ сходенъ съ разсмотрѣнными выше привилеями Витебскимъ и Полоцкимъ: въ немъ рѣчь идетъ о вольностяхъ мѣстнаго боярства рѣшительно въ духѣ земскихъ привилеевъ всего русско-литовскаго шляхетства, затѣмъ констатируются общіе обычаи всей земли [1], вмѣстѣ съ нѣсколькими положеніями касательно Смоленскихъ горожанъ [2]). Смоленскій привилей не потерялъ своей силы и послѣ того, какъ Смоленская земля отошла къ московскому государству: до нашихъ дней сохранилась подтвердительная грамота московскаго вел. князя Василія Ив., 1514 г. [3]).

Кіевская земля, подобно другимъ областямъ русско-литовскаго государства, долго жила по своему мѣстному „Кіевскому

---

[1] Напр., полож. по дѣламъ церковнымъ (не рушить хрестіянства греч. закону и пр.), суду (о выдавкахъ, дѣцкованьи, доводѣ, порукѣ и пр.) и тяглу (о даняхъ, помѣшнахъ, разныхъ повинностяхъ и службахъ). — О содержаніи Смоленск. привилея см. Бестужева Истор. II, 78.

[2] Смоленскъ получилъ магдебургское право въ началѣ XVII вѣка, когда онъ отошелъ было [illegible] (см. Sulimierski. Słownik geogr. X, p. 399. Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 Іюль, стр. 141). До перваго присоединенія Смоленской земли къ Москвѣ (въ началѣ XVI ст.) городское населеніе Смоленска ничѣмъ не выдѣлялось изъ общаго [illegible] жило по общему праву всей земли и потому было также заинтересовано въ гарантіи его „доброволенствъ" въ общемъ привилеѣ Смольнянъ, чѣмъ и объясняется какъ участіе „мѣщанъ" въ ходатайствѣ объ утвержденіи Смоленскаго привилея, такъ и введеніе въ послѣдній (по всему видно, еще при Казимірѣ) нѣсколькихъ положеній о правахъ мѣщанскихъ.

[3]) См. Собр. госуд. грамотъ, I, № 149.

праву" [1]), первоосновы котораго нужно искать въ началахъ древне-русскаго права, изложенныхъ впервые въ Русской Правдѣ, несомнѣнномъ памятникѣ правового быта южной Руси — Кіевской и другихъ юго-западныхъ русскихъ земель. Какъ извѣстно, Кіевская земля подчиняется великимъ князьямъ литовскимъ при Ольгердѣ (въ 13[illegible] г.) и окончательно теряетъ удѣльную самостоятельность при Казимірѣ, по смерти послѣдняго кіевскаго князя Симеона Олельковича (въ 1471 г.) [2]). Къ этому-то времени присоединенія Кіевскаго удѣла къ непосредственнымъ великокняжескимъ владѣніямъ нужно, по всѣмъ вѣроятностямъ, отнести изданіе перваго Кіевскаго привилея, сохранившагося до нашего времени въ позднѣйшей редакціи временъ Сигизмунда I (1507 года) [3]).

Кіевскій привилей отличается рѣзко индивидуальнымъ характеромъ, имѣетъ значеніе не общаго устава, изданнаго для всего населенія Кіевской земли, но такой же сословной хартіи, какъ и земскіе привилеи всего русско-литовскаго шляхетства. Начала

[1]) См., наприм., Skarbiec. № 2186, — актъ 1507 г., гдѣ упоминается о „заставѣ по Кіевскому праву".

[2]) Журн. Мин. Нар. Пр. 189[illegible], Мартъ, стр. 93, 98.

[3]) А. З. Р. II, № 30. Владимірскаго-Буданова Христом. II, 54. Относительно происхожденія Кіевскаго привилея Ясинскій (Уст. грам., стр. 68—69; ср. также Антоновича Монографіи, I, 247) держится того же мнѣнія, какъ и относительно другихъ областныхъ привилеевъ, въ которыхъ упоминаются Витовтъ и другіе литовскіе господари стараго времени. Ссылки Кіевскаго привилея по нѣкоторымъ вопросамъ (объ отчинахъ и выслугахъ, подымщинѣ, подводахъ, бобровыхъ гонахъ, сторожѣ, ѣздѣ въ Орду и мытахъ) на „старину", — „какъ будетъ было за [illegible] князя Витовта и за Жикгимонта" и пр., принимаются г. Ясинскимъ за прямыя указанія на первый Кіевскій привилей, якобы изданный Витовтомъ. Мы уже замѣчали, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нужно видѣть ссылки лишь на старые обычаи. Можно, пожалуй, еще согласиться, что при Витовтѣ издавались [illegible] по отдѣльнымъ вопросамъ, которые и послужили источникомъ для позднѣйшаго Кіевскаго привилея; но нѣтъ никакихъ основаній смѣшивать источники съ обоснованнымъ на нихъ памятникомъ.

послѣднихъ получили дальнѣйшее развитіе въ Кіевскомъ, какъ и въ другихъ областныхъ привилеяхъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и обычаямъ отдѣльныхъ земель.

Въ дошедшемъ до насъ Кіевскомъ привилеѣ категорически говорится, что источникомъ его служили листы, данные королями Казиміромъ - Ягеллономъ и Александромъ (о листахъ Витовта нѣтъ ни слова) „князьямъ, панамъ, боярамъ и земянамъ — всей шляхтѣ Кіевской на право добровольное хрестіянское“. Эти-то листы Кіевская шляхта „вказывала“ предъ королемъ Сигизмундомъ I и просила о ихъ утвержденіи, что и было исполнено изданіемъ дошедшаго до насъ Кіевскаго привилея въ 1507 г. (Декабря 8) [1]. Утвержденіе его господаремъ выражено въ такой формулѣ: „И мы (съ панами—радою), вбачивши службу ихъ (шляхты) вѣрную, дали есмо имъ право добровольное хрестіянское, по тому какъ отецъ и братъ нашъ дали были имъ, духовнымъ и свѣтцкимъ“.

По своему изложенію и содержанію, Кіевскій привилей вполнѣ сходенъ съ Смоленскимъ или Витебскимъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ первомъ привилеѣ не встрѣчаются статьи о горожанахъ послѣднихъ двухъ привилеевъ, представляющихъ, какъ мы видѣли, сводъ положеній о шляхетскихъ вольностяхъ съ мѣстными обычаями другихъ земскихъ классовъ, въ особенности горожанъ.

Въ 1529 г. (Сентября 1) Сигизмундъ подтвердилъ Кіевскій привилей съ добавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ статей: о запрещеніи Кіевскимъ воеводамъ посылать въ княжескія и панскія имѣнія для разныхъ поборовъ, становиться въ Кіев. подворьяхъ пановъ, брать безплатно провозные продукты и припасы и пр., — объ освобожденіи владѣльческихъ людей отъ кормовъ и подводъ подъ татарскихъ пословъ, воеводу и его посланцевъ, — отъ сторожи, подымщины (обращается въ пользу пановъ) и пр. Къ такимъ же прибавленіямъ относятся статьи о Кіевскихъ мѣщанахъ

---

[1]) А. З. Р. II. № 30. Владим. Буданова Христом. II, 54. Ср. Бестужева Ист., II, 80.

и панскихъ людяхъ, живущихъ въ Кіевѣ, именно: о входахъ мѣщанъ въ пущи господарскія, а не владѣльческія, о подсудности владѣльческихъ людей панскому, а не мѣщанскому суду, и наконецъ о платежѣ панскими людьми вмѣстѣ съ мѣщанами однихъ господарскихъ сборовъ, а не мѣщанскихъ, кромѣ людей, имѣющихъ лавки на рынкѣ и подлежащихъ потому общимъ мѣщанскимъ повинностямъ и сборамъ [1]).

Весьма существеннымъ дополненіемъ къ привилею Кіевской шляхты служитъ листъ вел. князя литовскаго Александра, данный въ 1494 г. Кіевскимъ мѣщанамъ въ *подтвержденіе* старыхъ „пожалованій" временъ Витовта и Казиміра Ягеллона. Пожалованія эти несомнѣнно основывались на началахъ мѣстнаго „Кіевскаго права", по какому жили Кіевляне вплоть до конца XV ст. (до 1492 г.), когда въ Кіевѣ было введено магдебургское право. Въ листѣ мѣщанамъ Кіевскимъ заключаются нормы мѣстнаго обычнаго права, „какъ служба имъ служити и поплаты давати", также по нѣкоторымъ вопросамъ права гражданскаго (о свадебной купницѣ, правахъ на вещи и угодія, о наслѣдованіи, обязательствахъ), уголовнаго (о вмѣненіи, татьбѣ, истребленіи вещей отъ огня) и процессуальнаго (о выдавкѣ —ставленіи шапки, или судебномъ закладѣ, поличномъ, свидѣтеляхъ). Послѣ введенія магдебургскаго права изложенныя нормы удерживались въ видѣ остатковъ отъ стараго земскаго права [2]).

Волынская земля присоединяется къ литовскому великому княжеству послѣ смерти послѣдняго волынскаго князя Андрея Юрьевича (ум. 1321 г.), въ силу предварительно состоявшагося соглашенія о бракѣ Любарта Гедиминовича съ дочерью упомянутаго князя, единственной наслѣдницей Волынскаго княженія [3]).

---

[1]) А. З. Р. II. № 164. — Содержаніе Кіев. привилеевъ точно суммируется въ Исторіи Бестужева—Рюмина (II, 80).

[2]) А. З. Р. I. 120. А. Ю. З. Р. X., стр. 627. А. И. I, № 25. Slown. geogr. IV, 77. Baliński, Star. Polska, II, 539.

[3]) См. Stadnicki, Synowie Ged. II, 25. Wolff, Ród Ged., 74. Филевича Борьба за Галиц.-Волын. наслѣдіе. 42. Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. VI, № 1.

Удѣльную самостоятельность Волынь удерживала до смерти послѣдняго волынскаго князя Свидригайла (въ 1452 г.) [1].

Мѣстное земское право Волыни очень рано начинаетъ проникаться боярско-шляхетскими тенденціями, что было результатомъ ранняго усиленія мѣстнаго боярства, стремившагося въ литовскую эпоху къ усвоенію разныхъ привиллегій, какими пользовалось галицко-русское боярство и польская шляхта. Какъ раньше замѣчено, боярство Луцкой земли пріобрѣтаетъ въ 1392 г. права земянъ Львовской земли, а въ 1452 г. уравнивается по правамъ съ шляхтой польской (см. выше). Разложеніе стараго земскаго единства права Волынской земли было также результатомъ введенія магдебургскаго права въ главныхъ волынскихъ городахъ [2]. Со второй половины XV ст. подъ „Волынскимъ правомъ" разумѣлось, главнымъ образомъ, право, какимъ въ то время пользовалось мѣстное боярство Волыни [3].

Памятниками этого-то шляхетскаго права Волынской земли и являются мѣстные привилеи, данные Волынской шляхтѣ литовскими господарями — Казиміромъ, Александромъ и Сигизмундомъ I.

До нашего времени дошли только подтвердительные привилеи послѣднихъ двухъ господарей — Александра (1501 г.) и Сигизмунда I (1509 г.) [4]. Привилеи даны по челобитью „духовныхъ и свѣтскихъ" — мѣстныхъ владыкъ, князей, пановъ, земянъ и всей шляхты Волынской земли. По своему содержанію, оба привилея

---

[1]) Stadnicki, Synow. II, 177. Его же Bracia, 365. Wolff. Ród, 166.

[2]) Магдебургское право вводится въ Луцкѣ въ 1432 г. (Арх. Ю. З. Р. ч. V, т. I, № 1), въ Кременцѣ въ 1431 г. (Arch. Sang. IV, 26. Арх. Ю. З. С. ч. V, т. I, № 2. Skarbiec, № 1783), въ Владимірѣ въ концѣ XV ст. (Арх. Ю. З. Р. ч. V, т. I. № 6) и пр.

[3]) См. наприм., Arch. Sangusz. II. № 272. 334. 336. А. Ю. З. Р. II, № 114. А. З. Р. III, № 13.

[4]) Привилей 1501 г. изданъ въ „Актахъ, относящ. къ ист. южн. и зап. Россіи, I, № 36; привилей 1509 г. — въ Акт. зап. Россіи, II, № 51, въ „Христом." Владим. Буданова, II, 62 и въ „Устав. зем. грамотахъ" Ясинскаго.

вполнѣ сходны между собою. Въ Волынскихъ привилеяхъ, подобно Кіевскому и другимъ областнымъ привилеямъ, рѣчь идетъ о различныхъ шляхетскихъ правахъ и привиллегіяхъ личныхъ и имущественныхъ, также по суду и пр. Таковы статьи, обезпечивающія личныя права шляхты (не соромотить „злыми словы", не сажать „у казнь и вѣжу" — тюрьму и пр.) и въ особенности вотчинныя права на имѣнія и владѣльческихъ людей: обложеніе послѣднихъ платами и временными сборами лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда таковые сборы будутъ установлены литовской радой со всѣхъ панскихъ имѣній въ государствѣ: освобожденіе крестьянъ отъ „воловщины"—подати съ воловъ [1]), а также отъ тяглыхъ работъ въ господарскихъ дворахъ и замкахъ: запрещеніе установлять новые мыты для владѣльческихъ людей. Остальныя постановленія Волынскихъ привилеевъ относятся къ уголовному праву, судоустройству и процессу. Таковы правила о запрещеніи самосуда надъ „злодѣями" (ворами), о принадлежности панамъ уголовныхъ пеней, взыскиваемыхъ съ ихъ людей по преступленіямъ, о принадлежности поличнаго владѣльцу имѣнія, гдѣ поиманъ злодѣй, и о наказаніи за татьбу шибеницей (висѣлицей) или виной (денежной пеней). Въ процессуальныхъ статьяхъ встрѣчаемъ правила о компетенціи суда старостинскаго (замковаго), о подсудности шляхты господарскому суду (при „винѣ" шляхтича, мѣстный староста „обсылаетъ" господаря, который и даетъ старостѣ „науку", какъ поступить съ виновнымъ), о вотчинномъ судѣ пановъ (владѣльческіе люди судятся только ихъ панами), о смѣстномъ судѣ на ярмаркахъ (пановъ и ихъ людей судитъ намѣстникъ старосты вмѣстѣ съ земяниномъ, выбраннымъ подсудимымъ), о призывѣ на судъ чрезъ листовные позвы, наконецъ о ложныхъ показаніяхъ свидѣтелей.

До сихъ поръ шла рѣчь объ областныхъ привилеяхъ такихъ земель вел. княжества литовскаго, въ которыхъ мѣстное право проникалось, въ большей или меньшей степени, сословными началами, съ концѣ концовъ сдѣлалось привиллегіей господствую

[1]) Въ 1503 г. кор. Александръ освободилъ Волынскую землю отъ платежа воловщины на 14 лѣтъ (А. З. Р. I, № 201).

щаго класса, пановъ, бояръ, образовавшихъ въ государствѣ особый шляхетскій (рыцарскій) „станъ", или шляхетскій „народъ", отличный по своимъ правамъ и вольностямъ отъ остальнаго „посполъства" и „хлопства". Перейдемъ теперь къ обзору областныхъ привилеевъ литовско русскихъ земель, въ которыхъ путемъ привилеевъ судемское, русское право замѣнялось правомъ польскимъ, съ сохраненіемъ лишь незначительныхъ обрывковъ отъ старыхъ земскихъ обычаевъ.

Къ такимъ областямъ относится прежде всего *земли Дорогичская* въ Подляхіи. Земля эта, вмѣстѣ съ другими Подляшскими областями, вошла въ составъ литовскаго государства при Гедиминѣ, въ первой четверти XIV ст. (около 1316 г.), и оставалась на удѣльномъ положеніи до половины XV ст., когда Подляшскія земли были присоединены къ непосредственнымъ владѣніямъ великихъ князей литовскихъ [1]. Близкое сосѣдство Подляхіи съ Польшей должно было, естественно, вести къ раннему развитію полонизаціи края, вмѣстѣ съ распространеніемъ въ немъ польскаго права, чему способствовали въ особенности частые захваты Подляшскихъ земель сосѣдними польскими князьями. Въ 1390 г. западная часть Подляхіи (Дорогичинъ, Мельникъ, Суражъ и Бѣльскъ) была отдана королемъ Владиславомъ — Ягелломъ Мазовецкому князю Янушу. Вскорѣ послѣ возвращенія (въ 1443 г.) Дорогичской земли изъ-подъ власти Мазовецкихъ князей, въ ней вводится Казиміромъ польское право, что̀ было затѣмъ подтверждено королями Александромъ и Сигизмундомъ [2].

Сохранились только подтвердительные привилеи, изданные Сигизмундомъ въ 1516 и 1523 г. По первому привилею Сигизмунда, Дорогичской землѣ дается право польское, изложенное въ коронныхъ Статутахъ („in omnibus punctis, articulis et conditionibus, prout in libris statutorum Regni Poloniae latius continentur"), съ слѣдующими дополнительными статьями: отмѣняется должность дѣтскихъ (dzieczkie); позвы судебные для лицъ

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Пр. 1893, Мартъ, стр. 119.
[2]) Ibid. стр. 120.

всѣхъ состоянiй (шляхты и простолюдиновъ, русскихъ, евреевъ, армянъ, христiанъ и „pagani" пишутся по-латыни: шляхта избираетъ земскихъ урядниковъ, утверждаемыхъ королемъ,—гродскiе (castrenses) урядники назначаются самимъ королемъ, при чемъ требуется, чтобы всѣ урядники, земскiе и гродскiе, избирались всегда изъ католиковъ: жалобы на нихъ подаются господарю. Дорогичанамъ предоставляется впредь до изданiя общаго для всѣхъ коронныхъ земель сборника процессуальныхъ обычаевъ (consuetudines iudiciariae), руководиться утвержденными (госуд. властiю) обычаями Краковской земли (moribus et consuetudinibus approbatis et approbandis terrae Cracoviensis)[1].

Введенiе польскаго права въ Дорогичской землѣ, по всему видно, не было вызвано туземнымъ населенiемъ страны, что доказывается жалобой намѣстника Литавора на Дорогичанъ, не желавшихъ подчиняться изданнымъ для нихъ привилеямъ („справуются и рядять не по праву ихъ писанному"). По этому поводу тотъ же Сигизмундъ, въ 1523 г., издалъ подтвердительный привилей, съ предписанiемъ Дорогичанамъ впредь во всемъ руководиться правомъ, пожалованнымъ имъ въ привилеяхъ Казимiра и Александра[2].

Дополненiемъ къ Дорогичскимъ привилеямъ служитъ уставъ о старостинскомъ судѣ, изданный Сигизмундомъ въ 1511 г. подъ титуломъ: „Чолнки, которые маетъ судити староста въ земли Дорогицкой". Уставъ этотъ, какъ видно изъ заключительной статьи, стоитъ въ связи съ общимъ привилеемъ Дорогичанъ: онъ изданъ ради огражденiя основнаго привилея отъ нарушенiй со стороны мѣстнаго старосты. Ему запрещено судить Дорогичанъ и брать съ нихъ „вины" (судныя пени) въ противность ихъ привилею и вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлена компетенцiя старосты и вообще подсудность Дорогичанъ по разнымъ дѣламъ. Староста судитъ въ замкѣ только домовый кгвалтъ (насильное нападенiе на домъ), поджогъ, изнасiлованiе женщинъ и дорожный разбой. Въ

---

[1]) Przyluski, Statuta, 698. Januszowski. Statuta, 834. Zbiór. pr. lit., 118. Vol. leg. I, 174.

[2]) Skarbiec, № 2293.

случаѣ поврежденія бортнаго дерева господарскаго, на мѣсто выѣзжаютъ: гаевникъ (лѣсничій), городской вижъ (слѣдователь), коморники (помощники) судьи и подсудка и городской писарь, для рѣшенія дѣла сообща; если судьи не могутъ рѣшить дѣла или разрѣшатъ его „съ кривдой" для той или другой стороны, дѣло разбирается старостой съ судьей и подсудкомъ. По спорамъ о земельныхъ границахъ выѣзжаютъ на мѣсто староста съ судьей, светками и писаремъ. Возный (судебный приставъ, старый дѣцкій) избирается старостой съ судьей, подсудкомъ и всею землею. Въ военное дѣло староста не вступается, ни судитъ, ни рядитъ, — вѣдаетъ это дѣло судья съ подсудкомъ. „Злодѣйство безъ лица" (кража безъ поимки вора на преступленіи или безъ поличнаго) судится не старостой, а тѣмъ же судьей съ подсудкомъ. Наконецъ, по всякимъ дѣламъ судъ („право") ведется по привильямъ Дорогичской земли [1]).

Кромѣ Дорогичской земли, польское право (впрочемъ, съ нѣкоторыми „впадами" — исключеніями) было введено въ другой Подляшской землѣ—*Бѣльской*, лежавшей въ восточной половинѣ Подляхіи и потому подвергшейся полонизаціи не въ такой степени, какъ земля Дорогичская. Право польское было пожаловано вел. княземъ Александромъ въ 1501 г. по челобитью всѣхъ земянъ Бѣльскаго повѣта о пожалованіи имъ „правъ и обычаевъ", данныхъ при Казимірѣ земянамъ Дорогичской земли. Въ изданномъ по этому поводу привилеѣ (по двумъ спискамъ—русскому и латинскому) земяне Бѣльскіе освобождаются отъ позвовъ чрезъ дѣцкихъ и получаютъ право во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ руководиться „польскимъ земскимъ правомъ" (jus polonicum terrestre) во всѣхъ его „обычаяхъ и члонкахъ". Въ слѣдующихъ затѣмъ 25-ти статьяхъ изложены „впады"—мѣстные правовые обычаи, отличные отъ польскихъ и сохранявшіе за собой прежнюю силу и послѣ введенія польскаго права въ Бѣльскомъ повѣтѣ [2]). „Впады" эти, основанные на старомъ русскомъ обычномъ правѣ,

---

[1]) А. З. Р. II, № 64. Zbiór pr. lit., 117.

[2]) А. З. Р. I, № 189. Zbiór pr. lit., 82. Ясинскаго Уставн. зем. грамоты.

содержатъ въ себѣ рядъ положеній, опредѣляющихъ собственно сословныя права и привиллегіи Бѣльскихъ земянъ, что̀ придаетъ всему привилею характеръ такой же точно шляхетской хартіи, какой имѣютъ и другіе областные привилеи литовско-русскихъ земель.

Такимъ образомъ, земяне, по общему обычаю, подлежатъ лишь повинностямъ земской обороны (замковой сторожѣ и выходу на войну, при „великой потребѣ"). Вотчинныя права земянъ ограничиваются старымъ литовско-русскимъ обычаемъ отчужденія „добръ дѣдичныхъ" и купленныхъ съ „дозволенья" господаря или старосты и съ уплатой покупщикомъ пошлины— „допустнаго". Удерживаются, затѣмъ, старые обычаи о принадлежности вѣна женѣ послѣ смерти мужа и о возвратѣ приданаго тому, кто его далъ, о бракѣ вдовъ (траурное время) и о наслѣдованіи въ „части" отцовской и материнской („матчинской"). Особенно интересны постановленія о кметяхъ (сельчанахъ), жившихъ на земляхъ земянъ. По привилею, „кмети", призванные при Витовтѣ для заселенія („ку саженью", ad locationem") и въ старое время работавшіе (на владѣльца) каждый по 14 дней въ году съ волоки, должны теперь работать съ каждой волоки въ недѣлю одинъ день и являться четыре раза въ годъ на „толоку" (помочь, работы сообща). Затѣмъ, кмети сохраняютъ по старому право выхода, съ уплатой за „рукоемъ" (fideijussus, пособіе владѣльца при поселеніи) такъ назыв. „отстанего" (surrectionis) и „сходелного" (in ortualium). Земянинъ, установляющій въ своемъ имѣніи болѣе легкія работы и сборы (працу и данья) ради привлеченія кметовъ въ ущербъ другимъ земянамъ, подлежитъ значительной денежной пенѣ. Затѣмъ, въ Бѣльскомъ привилеѣ находимъ статьи о пеняхъ за порчу межъ, сжатіе хлѣба на чужой землѣ, уничтоженіе и порчу бортей и пр. Въ привилеѣ находимъ также постановленія по судоустройству и процессу, по большей части, взятыя изъ мѣстныхъ обычаевъ. Таковы статьи о подсудности русскихъ (подсудны судьѣ съ подсудкомъ) и поляковъ (подсудны старостѣ съ судьей и подсудкомъ), о компетенціи староститскаго суда, также судьи съ подсудкомъ, объ аппеляціи къ господарскому суду, о „мирщинѣ" сторонъ безъ формальнаго суда,

о мѣрахъ обезпеченія явки сторонъ въ суду, о платежѣ „нестанего" (штрафа за неявку въ судъ по позву) и „помоцнего" (платы судьѣ со стороны оправданнаго по суду), о выборѣ судей и другихъ урядниковъ, о времени судебныхъ засѣданій и пр.

Разсмотрѣнныя привилеи земянъ Бѣльскихъ сохраняли свою силу, какъ видно, вплоть до Люблинской уніи, когда Бѣльскій повѣтъ съ другими областями западной Подляхіи отошелъ въ составъ польскихъ провинцій. Сигизмунду-Августу принадлежатъ два привилея о подтвержденіи правъ и вольностей Бѣльскихъ земянъ: изъ нихъ одинъ изданъ на Виленскомъ сеймѣ въ 1547 г., и помѣщенъ въ Volumina legum (I, p. 287), — другой, архивный, изданный въ 1563 г., открытъ (впрочемъ, съ значительными дефектами) Ясинскимъ въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ (см. „Уст. зем. грамоты", стр. 96). Наконецъ, общее подтвержденіе привилеевъ Подляшскихъ земель (между ними и *Мельницкой* земли, какъ видно, пользовавшейся тѣмъ же правомъ, что и Бѣльская земля) находимъ въ Бѣльскомъ привилеѣ 1564 г. объ утвержденіи Литовскаго Статута [1].

Областные привилеи, подобно земскимъ, не утрачивали своей силы до позднѣйшаго времени. Общее подтвержденіе всѣхъ старыхъ привилеевъ дано было Сигизмундомъ I въ 1522 г. [2]. Тоже самое подтвержденіе старыхъ привилеевъ находимъ въ Статутѣ всѣхъ трехъ редакцій [3]. По акту Люблинской уніи 1569 г., во всѣхъ земляхъ, принадлежащихъ къ великому княжеству Литовскому, сохраняются въ полной неприкосновенности привилеи и права, данныя всякимъ письмомъ всѣми прежними господарями съ давнихъ временъ, всѣмъ вообще и каждому въ

---

[1] По Бѣльскому привилею дѣйствіе Статута не распространяется на Подляшскія земли, въ которыхъ дѣйствуетъ польское право: „Тежъ права и обычай въ судѣхъ земль вел. князства Литовскаго стародавныхъ Подляшскихъ, Дорогицкихъ, Бѣльско-Мельницкое захововаемъ во всемъ водлугъ пасовъ привилеевъ ихъ ни въ чомъ не нарушаючи" (Времен. Моск. Общ. Ист. и др., кн. 23, стр. 10).

[2] Zbiór pr. lit., 124.

[3] Ст. 1529, III, 6; 1566, III, 12; 1588, III, 15.

отдѣльности [1]). Со второй половины XVI ст. привилеи, въ томъ числѣ и областные, постоянно подтверждались въ „pacta conventa“ и „confirmatio generalis omnium jurium, privilegiorum et libertatum“ королей Генриха, Стефана Баторія, Сигизмунда III и др. [2]).

Въ заключеніе резюмируемъ главныя положенія нашего очерка древнѣйшихъ источниковъ русско-литовскаго права.

Въ западной Руси, какъ и въ восточной, обычное право было въ старину основнымъ источникомъ права. Со времени изданія въ Литовскихъ Статутахъ „писаннаго права“ народный обычай удерживаетъ за собой до позднѣйшаго времени значеніе субсидіарнаго источника права.

„Писанное право“ начинаетъ формироваться въ литовскомъ государствѣ съ XIV столѣтія, въ видѣ господарскихъ грамотъ, листовъ, привилеевъ, позже уставъ, ухвалъ и конституцій, постановлявшихся господаремъ съ радой, а со второй половины XVI столѣтія исключительно сеймомъ, состоявшимъ изъ господаря и изб̆ъ радной (сенаторской) и посольской.

Древніе памятники „писаннаго права“ имѣютъ значеніе кодифицированнаго обычнаго права, констатировавшагося по показаніямъ („свѣдецтву“) „судныхъ“, „добрыхъ“ мужей, старожильцевъ и радныхъ пановъ (радцевъ), въ роли вѣщателей права участвовавшихъ въ судѣ и нарядѣ мѣстномъ и господарскомъ. Законодательная функція въ собственномъ смыслѣ организуется съ земскаго привилея 1492 г. и окончательно въ пору сеймовыхъ ухвалъ и конституцій.

---

[1]) Vol. leg. II, p. 90, § 9.

[2]) См. Vol. leg. II, p. 74, 133, 134. 157; III, 370; IV, 118; V. 25, 166 и пр.

Въ удѣльную эпоху замѣчается полное господство системы мѣстныхъ „правъ" отдѣльныхъ земель—княжествъ, изъ какихъ слагалось литовское государство. „Земское" („посполитое") право всего государства развивается изъ мѣстнаго права областей, составлявшихъ въ удѣльную эпоху непосредственный удѣлъ великихъ князей литовскихъ, путемъ распространенія его дѣйствія на территоріи другихъ удѣльныхъ земель, по мѣрѣ присоединенія ихъ къ великокняжескому удѣлу.

„Земское" право литовскаго государства развивается съ первыхъ же поръ по началамъ сословнымъ, въ концѣ концовъ дѣлается привилегіей правящихъ классовъ (шляхты). Рядомъ съ земскимъ правомъ шляхты развиваются отдѣльныя системы сословнаго права городскихъ муниципій (путемъ рецепціи права нѣмецкаго—магдебургскаго и хелминскаго), права купнаго, духовнаго и инородческаго.

Рядъ—древняя форма развитія права — регулировалъ дипломатическія сношенія Литвы, затѣмъ отношенія между князьями великими и удѣльными, а съ XVI столѣтія отношенія между господаремъ и шляхтой (pacta conventa).

Привилеи земскіе и областные принадлежатъ къ одному типу шляхетскихъ хартій, издававшихся ради осуществленія церковно-политической уніи Литвы съ Польшей. Развитіе шляхетскихъ „libertates et jura", предоставленныхъ привилеями 1387 и 1413 г. одному литовскому боярству и распространенныхъ привилеемъ 1457 г. на все русское боярство, завершается земскимъ привилеемъ 1492 г. — магнатской хартіей, усвоившей литовско-русской поземельной аристократіи политическія правомочія, съ полноправнымъ участіемъ ея представителей (пановъ радныхъ) во всѣхъ функціяхъ государственной власти.

Областные привилеи представляютъ собой мѣстныя разновидности общихъ шляхетскихъ хартій, развиваютъ шляхетскія libertates et jura, примѣнительно къ особенностямъ быта отдѣльныхъ областей. О другихъ, не-шляхетскихъ классахъ рѣчь идетъ въ областныхъ привилеяхъ, лишь на сколько эти классы соприкасаются съ мѣстной шляхтой въ силу совмѣстной жизни и воз-

никающей отсюда общности интересовъ тягловыхъ, экономичс-скихъ и др.

Особый видъ мѣстныхъ шляхетскихъ хартій представляютъ привилеи на польское право въ западныхъ (полонизованныхъ) земляхъ Подляхіи, съ изложеніемъ „вnадовъ“ — мѣстныхъ правовыхъ обычаевъ (русскихъ), удержавшихся въ Подляхіи въ видѣ изъятіи изъ земскаго польскаго права.

Ѳ. И. Леонтовичъ.

Поправка. На стр. 3-й (13-я строка снизу), вмѣсто 1876, слѣдуетъ читать: 1878. На этой же страницѣ (11-я строка снизу), вмѣсто 1877—1878, слѣдуетъ читать: 1879.

2007231522